R 14/74

R 14/74

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РОССІИ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

НИКОЛАЕМЪ СТОРОЖЕНКОМЪ.

Заменено 25/III 33
ПУБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1870 г. кн. 3-я.

2007231588

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріялы сіи извлечены изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ, во время пребыванія и занятій его въ ономъ въ 1868 — 1869 годы. Всѣ они до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, хотя объ одномъ изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, знали нѣкоторые и ссылались на него. Два изъ этихъ матеріяловъ относятся ко второй половинѣ XVI столѣтія, прочія ко второй же половинѣ прошлаго, а два даже къ началу текущаго вѣка. Мы печатаемъ ихъ въ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ, который съ Французскаго сдѣланъ А. П. Гемеліаномъ, а съ Англійскаго два первые А. Н. Веселовскимъ, остальные же самимъ извлекшимъ оные изъ Британскаго Музея.

Грамота или письмо Королевы Елисаветы къ Царю Ивану Грозному извѣстна была уже Князю М. М. Щербатову, который, въ своей «Исторіи Россійской» (тома V часть IV, стр. 129—132) помѣстилъ, подъ № 20, даже современный переводъ ея, впрочемъ, съ пропусками непрочитанныхъ мѣстъ. Грамота эта хранится въ прежней Архивѣ Иностранной Коллегіи (Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) въ Москвѣ. Карамзинъ тоже упоминаетъ о ней въ «Исторіи Государства Россійскаго» (т. IX, гл. 2, прим. 266), какъ о находящейся въ упомянутомъ мѣстѣ, и говоритъ, что она писана на пергаментѣ, коегдѣ уже стершемся; переводъ завѣренъ переводчикомъ Царскаго Посла, Англичаниномъ Даніиломъ Сильвестромъ. Карамзимъ приводитъ и нѣсколько строкъ изъ подлинника (въ изданіи Эйнерлинга напечатанныхъ довольно невѣрно). На Карамзина и Щербатова ссылается и Арцыбышевъ въ «Повѣствованіи о Россіи» (т. II, кн. 4, стр. 320, прим. 1914). Посла къ Королевѣ съ грамотой Царя, привезшаго отвѣтную на оную, Карамзинъ называетъ Дворяниномъ Андреемъ Савинымъ, а Арцыбышевъ—Дворяниномъ Андреемъ Григорьевичемъ Совинымъ. Далѣе о грамотѣ этой говоритъ и Гамель въ «Tradescant der Aelteste» (S. 142). При помощи предлагаемой копіи, оставленной въ Англіи, можно бы возстановить и самый подлинникъ, и напечатать его и тогдашній переводъ, для сличенія съ предлагаемымъ здѣсь Русскимъ переводомъ. Замѣчательно, что современный (Псковскій) лѣтописецъ (въ Архивѣ) приписываетъ сно-

шеніе Царя наущенію «нѣкоего Нѣмчина, лютаго волхва, нарицаемаго Елисея, коего прислаша (Нѣмцы и Литовцы), и бысть ему любимъ въ приближеніи, на Русскихъ людей Царю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь его преложи, и много множество роду Боярскаго и Княжества взусти убити Цареви, послѣднее и самаго приведе наконецъ, еже бѣжати въ Англинскую землю, и тамо женитися, а свои Бояре оставшіе побити.» Елисей этотъ былъ Голландецъ родомъ, именно Медикъ Бомелій, который точно подучалъ Царя на убійства, составлялъ отравы, но, обвиненный въ сношеніи съ Польскимъ Королемъ, Баторіемъ, «преданъ былъ смерти (сожженъ) въ Москвѣ.» Но кажется, намѣреніе Грознаго бѣжать за море естественнѣе объясняется тогдашнимъ тревожнымъ состояніемъ его духа, хотя и упоеннаго убійствами, но еще не до конца, и по тому, среди самыхъ успѣховъ своей грозы, трепетавшаго, какъ всѣ подобные ему, за свои злодѣйства, боявшагося возстанія терзаемаго имъ народа и, стало быть, искавшаго на черный день завременно пріюта для себя, хотя бы то и на чужбинѣ Какъ ни ласкова была грамота Королевы, однако Царь не былъ ею доволенъ, такъ какъ она, по его мнѣнію, недостаточно оказывала живое участіе въ обстоятельствахъ, столько рѣшительныхъ для участи его, а болѣе заботилась о выгодахъ торговцовъ, которыя «какъ ни важны (замѣчалъ Царь), но собственныя дѣла Царей далеко важнѣе купеческихъ.» По этому онъ чуть было не изгналъ изъ своего Государства Англійскихъ торговцовъ, и едва умилостивился надъ ними представленіями Королевина Посла, Дженкинсона, который оправдывалъ свою Королеву (1572 г.) тѣмъ, что «переводъ сдѣланъ невѣрно, и по тому слова, дышащія любовію къ Царю, переданы не въ настоящемъ ихъ значеніи.» Царь, успѣвши уже искоренить воображаемыхъ имъ враговъ своихъ внутри Царства, пересталъ помышлять болѣе объ удаленіи въ чужіе края, и возвратилъ свое расположеніе Лондонскимъ купцамъ, сказавъ только Дженкинсону: «Буде нужно будетъ, откроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полнымъ довѣріемъ.» Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что Грозный вполнѣ зналъ, къ кому обращался за убѣжищемъ, къ Елисаветѣ, которая не менѣе его была грозой для своихъ подданныхъ. «Les oiseaux du même plumage volent ensemble», говорятъ Французы, т. е., «Рыбакъ рыбака видитъ издалека.»

Другой матеріалъ: «Письмо Англичанина очевидца о сожженіи Москвы Татарами въ 1571 году,» показываетъ, что положеніе

III

Грознаго Царя ни мало не улучшилось противу положенія годъ тому назадъ. Онъ, хотя не думалъ уже о бѣгствѣ за море, тѣмъ не менѣе не смѣлъ даже воротиться въ свою столицу съ береговъ Оки, а пробрался съ Опричниной околицею въ свою Александровскую Слободу и далѣе въ Ростовъ. Причиной того было дѣйствительно сношеніе съ Крымскимъ Ханомъ нѣкоторыхъ изъ его ближнихъ Бояръ, желавшихъ освободиться отъ вѣчнаго страха за свою жизнь. Посланные ихъ провели Крымцевъ искусно черезъ Оку, а потомъ и къ самой Москвѣ, въ которой, какъ они увѣряли, «уже по два года стоитъ межевина (голодъ) великая и моръ, многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ Государь, въ своей опалѣ, побилъ, а достальные всѣ въ Нѣмцѣхъ (въ Ливоніи), въ Земскихъ и въ Опричнинѣ Царь выбилъ; мы сами есмя изъ Опричнины.» Въ томъ же сознался послѣ Грозному и самъ Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, одинъ изъ его Воеводъ, въ послѣдствіи (1572 г.) разгромившій въ Молодяхъ, на берегу Лопасни (въ 50 верстахъ отъ Москвы), этого же самаго Хана. Москва тогда вся погибла отъ огня безпримѣрнаго, за исключеніемъ одного лишь Кремля, и все это въ 3—4 часа, съ страшнымъ множествомъ народа Московскаго и спасавшагося въ ней изъ окрестностей: «Москва сгорѣла вся, городъ, и въ городѣ Государевъ дворецъ (любимый, межъ Арбатскіе улицы и Никитскіе), и Москва рѣка мертвыхъ не пронесла,» въ которую бросали по неволѣ трупы, такъ какъ некуда было ихъ хоронить: «нарокомъ поставлени были спроваживати на низъ рѣкою мертвыя,» замѣчаетъ лѣтописецъ. Другое современное извѣстіе объ этомъ страшномъ сожженіи Москвы принадлежитъ также Англичанину, Ричарду Ускомби: это письмо его къ Генриху Лену, отъ 5 Августа, того же 1571 года. Оно напечатано въ I-мъ томѣ: «Hakluyts Collection of the early voyages, travels and discoverie of the English nation. London, 1809,» стр. 459. Вотъ оно:

Мистеръ Ленъ!

Мое почтеніе вамъ. 27 Іюля прибылъ я сюда съ Магдалиной, и въ тотъ же самый день и часъ пріѣхали сюда также Суалоу и Гарри. Прибывши сюда, нашелъ я тутъ мистера Проктора, отъ коего мы узнали весьма печальныя новости. Москва сожжена Крымцами 24-го дня прошлаго Мая до тла, съ безчисленнымъ множествомъ народа, а въ Англійскомъ домѣ задохлись Томасъ Соуѳамъ, Тофайлдъ, Уеверли, жена Грина съ дѣтьми, двое

дѣтей Рефа и болѣе 25 человѣкъ погибло въ нашемъ погребѣ, въ которомъ, къ удивленію, уцѣлѣли, однако, Рефъ, его жена, Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ. Туда же пришли было еще мистеръ Глоуеръ и мистеръ Роули; но такъ какъ жаръ былъ слишкомъ великъ, то они поспѣшили изъ него вонъ съ большою опасностью, такъ что одинъ малый у ихъ пятъ былъ захваченъ огнемъ, и они съ закрытыми глазами убѣжали въ другой погребъ, гдѣ, благодаря Бога, и спаслись. Царь бѣжалъ съ поля, и многіе изъ его народа были уведены Крымскими Татарами: молодыхъ и старыхъ они не трогали и бросили ихъ однихъ; такимъ образомъ Крымцы возвратились во свояси съ чрезвычайной добычей и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ. Съ одной стороны Крымцы, а съ другой неистовость Царя, погубили много людей, такъ что народа уцѣлѣло мало. Мое почтеніе вашей супругѣ, мистрисъ Ленъ, также мистеру Локу и всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Располагайте вашимъ

Ричардомъ Ускомби.

---

* A letter of Richard Uscomby to M. Henrie Lane, touching the burning of the Citie of Mosco by the Crimme Tartar, written in Rose Island the 5 day of August 1571.

Master Lane! I haue me commended unto you. The 27 of Iuly I arriued here with the Magdalene, and the same day and houre did the Swalow and Harry arriue here also. At our comming I found master Proctor here, by whow wee understand very heauie newes. The Mosco is burnt euerie sticke by the Crimme the 24 day of May last, and an inuumerable number of people: and in the English house was smothered Thomas Southam, Tofild, Wauerley, Greenes wife and children, two children of Rafe, et more tho the number of 25 persons were stifeled in our Beere seller: and yet in the same seller was Rafe, his wife, Iohn Browne, and Iohn Clarke preserued, which was wonderfull. And there went into that seller master Glouer and master Rowley also: but because the heate was so great, they came foorth againe with much perill, so that a boy their heeles was taken with the fire, yet they escaped blindfold into another seller, and there as God will was, they were preserued. The Emperour fled out of the field, and many of his people were caried away bay the Crimme Tartar: to wit, all the yong people, the old they would not meddle with, but let them alone, and so with exceeding much spoile and infinite prisoners, they returned home againe. What with the Crimme on the one side, and with his crueltie on the other, he hath but few people left. Commend me to mistresse Lane, your wife, and to M. Lock, and to all our friends.

Vours to command,

Richard Uscombe.

Есть еще и третье Англійское извѣстіе объ этомъ происшествіи. Оно принадлежитъ злополучному на родинѣ и у насъ, Джильсу Флетчеру (Giles Fletcher), Доктору Правъ или, какъ выразился о немъ нашъ Статейный Списокъ его посольства, «Мейстеру Богомольныхъ книгъ Аглицкой Королевы Елисаветы,» который былъ въ Московскомъ Государствѣ спустя 17 лѣтъ послѣ сожженія Москвы, именно съ Сентября 1588 по Августъ слѣдующаго года, и, по возвращеніи въ Англію, кромѣ отчета Министерству о своемъ посольствѣ, написалъ сочиненіе «О Государствѣ Русскомъ (Of the Russe Common wealth)», изданное въ Лондонѣ 1591 года. Такъ какъ въ немъ этотъ Посолъ, не стѣсняясь, высказалъ свои наблюденія и мысли о подмѣченномъ и слышанномъ имъ въ тогдашней Руси, то сами Англичане, опаясь, чтобы такіе отзывы не повредили ихъ сношеніямъ съ нами, тотъ же часъ запретили оное, такъ что отъ того оно не смѣло появляться въ полномъ видѣ долгое время, и по тому стало величайшею рѣдкостью. Только недавно было оно перепечатано за границей съ 1-го изданія, самаго вѣрнаго и полнаго; явились также и переводы его на Французскомъ и Русскомъ. Послѣдній, впрочемъ, есть только перепечатка появившагося было въ 1-й книгѣ (по числу 23-й) «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (Отд. III), осенью 1848 года, перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ уже извѣстно, принуждено было немедленно по выпускѣ изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а Предсѣдатель и Секретарь Общества удалились изъ него, послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой Университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова приглашенъ былъ Управляющимъ Министерствомъ (въ послѣдствіи Министромъ), Княземъ Пл. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, на свою каѳедру въ Московскій Университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ; все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. По этому Русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и

Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежитъ имъ... Русскіе защищаютъ свою страну и земли, ими пріобрѣтенныя, а Крымскіе Татары дѣлаютъ на нихъ набѣги одинъ или два раза въ годъ, иногда около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идетъ войною самъ Великій или Крымскій Ханъ, то ведетъ онъ съ собою огромную армію въ 100,000, или 200,000, человѣкъ. Въ противномъ случаѣ они дѣлаютъ кратковременные и внезапные набѣги съ меньшимъ числомъ войска, кружась около границы, подобно тому, какъ летаютъ дикіе гуси, захватывая по дорогѣ все и стремясь туда, гдѣ видятъ добычу» (стр. 58—59).

Разумѣется, Флетчеръ многое изъ сообщаемаго имъ могъ лично слышать отъ видѣвшихъ сожженіе Москвы своими глазами, или слышавшихъ о томъ отъ очевидцевъ. На это онъ не разъ и ссылается словами: «какъ сказываютъ; какъ разсказываютъ; какъ мнѣ говорили; какъ они говорятъ,» и т. п. **

** Въ подлинникѣ такъ: «The neighbours, with whom they (Russe) haue greatest dealings et intercourse, both in peace et warre, are first the Tartar, secondly the Polonian, whom the Russe calleth Laches, the third are the Swedens. The Tartars are farther of from us (as being of Asia) and diuided into many tribes, different both in name, and gouernment one from another. The greatest and mightiest of them is the Chrim Tartar (whom some call the Great Cham), that lieth south and southeastward from Russia, and doth most annoy the countrie by often inuasions, commonly once euery yeare, sometimes entring very farre within the inland parts. In the yeare 1571 he came as farre as the citie of Mosko, with an armie 200,000 men, without any battaile, or resistance at all, for that the Russe Emperour (then Iuan Vasilowich) leading foorth his armie to encounter with him, marched a wrong way, but as it was thought of very purpose, as not daring to aduenture the fielde, by reason that hee doubted his nobilitie and chiefe captaines, of a meaning to betray him to the Tartar. The citie he tooke not, but fired the subburbs, which by reason of the buildinges (which is all of wood without any stone, brick, or lime, saue certein out roomes) kindled so quickly, and went on with such rage, as that it consumed the greatest part of the citie almost within the space of foure houres, heing of 30 miles, or more of compasse. Then might you haue scene a lamentable spestacle: besides the huge et mighty flame of the citie all on light fire, the people burning in their houses and streates, but most of all of such as laboured to passe out of the gates farthest from the enemie, where meeting together in a mightie throng, and so pressing euery man to preuent another, wedged themselues so fast within the gate, and streates neare unto it, as that three ranks walked one upon the others head, the uppermost treading downe those that were lower: so that there pe-

Третій и четвертый матеріялы относятся уже къ событіямъ XVII-го столѣтія, именно къ тому обстоятельству, какъ Императрица Елисавета, желая видѣть несчастнаго Ивана Антоновича, приказала привезти его въ зимній дворецъ (по другимъ въ домъ И. И. Шувалова), вечеромъ, и, переодѣвшись въ мужское платье, смотрѣла на него за столомъ изъ особенныхъ покоевъ; но болѣе всего говорится въ сихъ матеріялахъ о поспѣшномъ возвращеніи въ Россію изъ Пруссіи Фельдмаршала Апраксина послѣ его блистательной побѣды надъ Прусаками при Гросъ-Егерсдорфѣ, въ то самое время, когда всѣ думали, что онъ поспѣшитъ занять цѣлое Королевство. Къ извѣстнымъ уже изъ другихъ источниковъ причинамъ этого, а также и паденія друга Апраксинова, Великаго Канцлера, А. П. Бестужева-Рюмина, прибавляются новыя: участіе въ козняхъ сильнѣйшаго изъ царедворцевъ Елисаветы, Графа П. И. Шувалова, стремившагося къ одной и той же цѣли, что и временщикъ предшествовавшаго царствованія, Бирон; также участіе Французскаго и Австрійскаго Пословъ (Марказа Де л' Опиталя и Графа Естергази), и Вице-Канцлера, Графа М. Л. Воронцова (споспѣшествовавшаго возведенію на престолъ Елисаветы). Къ этому же обстоятельству относятся и матеріялы шестой и седьмой, т. е., письма, Великаго Князя Петра Ѳедоровича и его супруги, къ

---

rished at that time (is was sayd), by the fire et the presse, the number of 800,000 people, or more. The Chrim thus bauing fired the citie and fedde his eyes with the sight of it all on a light flame, returned whit his armie, and sent to the Russe Emperour a knife (as was sayd) to sticke himselfe withall: obbraiding this losse, et his desperate case, as not daring either to meet his enimy in the fielde, nor to thust his friends, er subiects at home. The principall cause of this continual quarell, betwixt the Russe and the Chrim, is for the right fo certeine border parts claimed by the Tartar, but possessed by the Russe. The Tartar alleageth that besides Astracan et Casan (that are the ancient possession of the East Tartar) the whole countrie from his bounds north and westward, so farre as the citie of Mosko, and Mosko it selfe, perteineth to his right... The Russe defending his countrie, and that which he hath wonne, the Chrim Tartar inuading him once or twise euery yeare, sometime about whitsontide, but oftener in haruest. What time if the Great Cham or Chrim come in his owne person, he bringeth with him a great armie of 100,000, or 200,000 men. Otherwise they make shorte, and sudden roads into the countrie with lesser numbers, running about the list of the border as wild geese flie, inuading and retiring where they see aduantage.»

**

Кавалеру Упльямсу. Справедливость донесеній Англійскихъ Пословъ подтверждаютъ и тѣ милости, которыя посыпались на Шуваловыхъ съ воцареніемъ Петра III-го и послѣ самой Екатерины, всегда благоволившей и благодѣтельствовавшей извѣстному П. И. Шувалову, благоразумнѣйшему изъ этого рода въ то коловратное время.

Пятый матеріялъ составляютъ «свѣдѣнія о пресловутой Княжнѣ Таракановой,» въ сущности схожія съ тѣми, которыя сообщаетъ извѣстный Кастера (въ 1 и 2 кн.: «Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, 1809»). Въ какой степени извѣстія эти относятся къ настоящей дочери Императрицы Елисаветы, и была ли ея дочь воспитана за границей, куда дѣвалась и т. п., по сю пору дѣло не вполнѣ рѣшенное. Но то не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію, благодаря замѣчательной статьѣ: «О самозванкѣ, выдававшей себя за дочь Государыни Елисаветы,» помѣщенной въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» кн. 1-ой 1867 года (Отд. I),*** что дѣйствительно появилась было въ чужихъ краяхъ загадочная личность, рѣшившаяся разыграть тамъ роль притязательницы на престолъ Русскаго Царства въ то самое время, какъ внутри Государства разыгрывалъ роль притязателя на оный Донской Казакъ. Продѣлка была задумана недурно, конечно, не тѣми, кто являлся на первомъ планѣ дѣйствія; но, какъ и на всякаго хитреца бываетъ много простоты, то въ концѣ концовъ козни не удались, погубивъ отважныхъ игроковъ со множествомъ увлеченныхъ, по вѣдѣнію и невѣдѣнію, въ этотъ коловоротъ. Кто въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ самозванецъ и эта самозванка, по сю пору Исторія еще доконно не допискалась. Открылось только въ самое послѣднее время, что Княжны Таракановой никогда на свѣтѣ не существовало; что это имя—плодъ самаго страннаго недоразумѣнія, построеннаго на досужей сплетни съ одной стороны, и исковерканіи, или

*** Статья же: «Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская,» напечатанная въ 6—8 книжкахъ «Русскаго Вѣстника» 1867 года, потомъ и особо изданная Петербургскимъ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, съ раскрытіемъ таинственныхъ буквъ П. М., есть просто на просто беззастѣнчивая перифраза статьи, появившейся въ «Чтеніяхъ,» не дѣлающая чести ни П. И. Мельникову, ни его пособникамъ въ изобрѣтеніи и распространеніи этой новой вѣтви небывалаго доселѣ промысла на Святой Руси для насущнаго. См. «Объясненіе» о семъ въ 3-й кн. «Чтеній» упомянутаго года.

стремленіи осмыслить необычайное по значенію и звуку прозвище или фимилію ближнихъ родственниковъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, т. е., Дараганов, воспитывавшихся у него, въ самомъ дворцѣ, а также имъ и за границей. Пзъ Дараганов придворные сочинили Тараканов, что и пошло гулять по бѣлу свѣту съ ихъ легкихъ рукъ. См. объ этомъ замѣчательное изслѣдованіе А. А. Васильчикова, напечатанное въ книгѣ 2-ой: «Осмнадцатаго вѣка» 1869 г., и озаглавленное: «Семейство Разумовскихъ» (стр.260—502), изслѣдованіе, составленное большею частью по новооткрытымъ архивнымъ бумагамъ и семейнымъ преданіямъ (стр. 445 и слѣд.).

Восьмой матеріялъ, при всей своей краткости, самъ за себя говоритъ, равно какъ и мѣтко очерчиваетъ виновника его.

Наконецъ девятый матеріялъ, именно: два письма извѣстной Княгини Дашковой, и формой и содержаніемъ своимъ вполнѣ напоминаетъ своеобразную Княгиню даже въ самой старости.

О. Бодянскій.

6-го Ноября, 1870 г.
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ МАТЕРІЯЛОВЪ.

I. Списокъ съ секретной грамоты или письма Англійской Королевы, Елисаветы, къ Русскому Царю, Ивану Васильевичу, 1570 года.

II. Письмо современника Англичанина о сожженіи Москвы Крымскимъ Ханомъ, Девлетъ-Гиреемъ, въ 1571 году.

III. Тайныя сообщенія Суарта Лорду Гольдернесу, въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1757 года.

IV. Два тайнописныя сообщенія Кейта Лорду Гольдернесу и Англійскому Послу при Прускомъ Дворѣ, Митчелю, въ Мартѣ 1758 года.

V. Свѣдѣнія о Княжнѣ Таракановой, 1778 года.

VI. Собственноручное письмо Петра III къ Серу Чарльсу Ульямсу, въ Августѣ 1759 года.

VII. Два собственноручныя письма Великой Княгини Екатерины къ тому же и тогда же.

VIII. Собственноручное письмо Павла I къ Уитворту, въ Августѣ 1799 года.

IX. Два собственноручныя письма Княгини Дашковой къ Мисъ Ульмотъ, и отвѣтъ послѣдней, 1804 года.

Опечатка.

Напечатано:			*Читайте:*
Стран.	Строк.		
8,	7	Сюарта	Суарта.

I.

Списокъ съ секретной Грамоты или письма Англійской Королевы, Елисаветы, къ Русскому Царю, Ивану Грозному, 1570 года.*

Elizabeth by the graec of God Queen of England, France and Ireland, Defender of Faith etc. To the most mighty and puissant Prince, our dear brother, Great Lord, Emperor of all Russia etc., greeting, health and peace in our Lord Jesus Christ. Where we have by others our letters delivered to Your Highness Ambassadour, the noble person Andrew Regowiwiska Sawena, made answer to the greatest part of such messages and letters, as the said Ambassadour declared and brought to You, we have thought good in some certain manners to send Your Highness for a manifest and certain tokenof our good will to Your Highness estate and surety, his our secret letter, whereunto none are privy, besides ourself, but our most secret counsell. We do so regard the surety of You, the Emperor and Great Duke, as we offer that, it at some time in some shape of Your Lordship, our Brother Emperor and Great Duke, be by any casual chance, either of secret conspiracy, or outward hostility driven to charge the countries and shall like to repair into our kingdom and dominions, with the noble Empress, your wife, and your dear children, the Princes, we shall with such honor and courtesy receive and entreat Your Highness therein, as shall become so Great a Prince, and I shall ernestly endeavour to make all things fall out according to Your Majesty's desire to the free and quiet breeding of You Highness life with all hove, wherein You shall bring with You. And therein may be lawful for You, the Emperor and Great Duke, to use Your Christian religion in such sort, as it shall like You, for neither mean we to attempt anything to offend either Your Majesty, or any of Your people, nor intermeddle any ways with Your Highness faith and religion, nor yet to sever Your Highness household from You, or to suffer any of Yours to be taken from You by violence. Besides we shall appo-

* Cott. Mss. Nero B. II, art. 100, fol. 341.

int You, the Emperor and Great Duke, a place in our kingdom fit upon Your own charges, as long as You shall like to remain with us. Ando if it shall seem good unto You, the Emperor and Great Duke, to deport from our countries, we shall suffer You with all quietly to depart either into Your Empire of Moscovia, or else, whether it shall best like You to pass through our dominions and countries, neither shall we any wise let, or stay You, but with all offices and courtesies let You, our dear Brother Emperor and Great Duke, pass into Your country, or else, where at Your pleasure. This we promise by virtue of these our letters and the word of a Christian Prince. In witness thereof and for the further testimony of this our letter, we, Queen Elizabeth, do subscribe this with our own hand, in the presense of these our nobles and counsellors, Nicholas Bacon, Knigt, Great Chancellour of our realm of England; William Lord Parr, Marquis of Northampton, Knight of our ordèr of the garter; Henry Earl of Arundell, Knight of our said order of the garter; Francis Lord Russel, Earl of Bedford, Knight of our said order; Robert Dudley, Lord of Derby, Earl of Leicester, Master of our house and Knight of the same order; Edward Lord Aayton and Gay, Lord Admiral of England and Knight of our said order; William Lord Howard of Effingham, Lord Chamberlain and Knight of the same order; Francis Knolles, Knight, Overseer of our house; William Cecil, Knight, our principal Secretary, and have also thereto hanged our privy seale, promising You, that we against our common enemies shall with one accord fight with our common swords and do every and singular things, mentionned in this writing as long, as God shall leave us life. And theriby the word and faith of our promise. Given af our palace of Hampton Court the 27 day of the month of May, in the 12-th year of our reign, and in the year of our Lord one thousand five hundred threescore and ten.

Елисавета, Божіей милостью Королева Англіи, Франціи и Ирландіи, защитница Вѣры и проч. Великому и Могущественному Государю, нашему дорогому Брату, Великому Государю всея Руси и проч., привѣтъ, здравіе и миръ во Господѣ Іисусѣ Христѣ. Какъ въ другихъ нашихъ письмахъ, переданныхъ Послу Вашего Величества, именитому человѣку, Андрею Григорьевичу Савину, мы отвѣтили на большую часть Вашихъ посланій, такъ теперь

мы заблагоразсудили послать Вашему Величеству въ знакъ нашего расположенія и участія, принимаемаго нами въ дѣлахъ и безопасности Вашего Величества, наше тайное письмо, о которомъ, кромѣ насъ, извѣстны лишь самые ближніе намъ совѣтники. Мы принимаемъ къ сердцу здоровье Вашего Величества, Царя и Великаго Князя, и если бъ когда ни будь Ваше Величество, нашъ Братъ и Великій Князь, былъ принужденъ какимъ ни есть случаемъ, въ слѣдствіе ли тайнаго заговора, или внѣшняго нашествія, оставить свою страну и переселиться въ наши Королевскія владѣнія, вмѣстѣ съ Государыней Царицей, супругой Вашего Величества, и Принцами, дорогими дѣтьми Вашими, мы обѣщаемъ принять Васъ съ такимъ почетомъ и чествованіемъ, какое подобаетъ столь Великому Государю, и я изо всѣхъ силъ постараюсь устроить все согласно желанію Вашего Величества, для свободнаго и спокойнаго пребыванія Вашего и тѣхъ, кто съ Вами прибудетъ. И будетъ свободно Вамъ, Царю и Великому Князю, держать свою Христіянскую Вѣру, какъ Вамъ заблагоразсудится, такъ какъ мы не намѣрены оскорблять въ чемъ бы то ни было Ваше Величество, или кого ни будь изъ Вашихъ, и не хотимъ вмѣшиваться въ Вашу религію, ни отдалять отъ Васъ Вашихъ придворныхъ людей; и не попустимъ, чтобы кто ни будь изъ Вашихъ былъ удаленъ отъ Васъ насильно. Кромѣ того, мы назначимъ Вамъ, Царю и Великому Князю, на сколько Вамъ заблагоразсудится остаться съ нами, мѣстопребываніе въ нашемъ Королевствѣ, которое устроите на Ваши собственныя средства; и если бъ вздумалось Вамъ, Царю и Великому Князю, удалиться изъ нашихъ владѣній въ Ваше Московское Царство, или другое мѣсто, мы дозволимъ Вамъ безпрепятственно проѣхать по нашимъ владѣніямъ, буде бы Вамъ такъ лучше показалось, и никоимъ образомъ не будемъ Васъ задерживать, а, напротивъ, со всякимъ почетомъ отпустимъ Васъ, нашъ дорогой Братъ, Царь и Великій Князь, въ Вашу страну, или другую, по Вашему желанію. Обѣщаемъ Вамъ это настоящимъ нашимъ письмомъ и словомъ Христіянскаго Государя. Въ подтвержденіе чего и для полнѣйшаго засвидѣтельствованія этого нашего письма, мы, Королева Елисавета, подписываемъ его нашею собственною рукою въ присутствіи нашихъ вельможъ и совѣтниковъ, Николая Бекона, Кавалера, Великаго Канцлера нашего Королевства Англіи;

Лорда Уильяма Парра, Маркиза Портгентона, Кавалера нашего ордена Подвязки, Графа Генри Аруиделя, Кавалера нашего ордена Подвязки; Лорда Френсиса, Росселя, Графа Бедфорда и Кавалера нашего означеннаго выше ордена; Роберта Додле, Лорда Дерби, Графа Лестера, Министра нашего двора и Кавалера того же ордена; Лорда Эдуарда Этона и Ге, Лорда Адмирала Англіи и Кавалера нашего выше сказаннаго ордена; Лорда Уильяма Гоуарда Эффингама, Лорда Камергера и Кавалера того же ордена; Френсиса Польса, Кавалера, Смотрителя нашего дома; Уильяма Сесиля, Кавалера, нашего Главнаго Секретаря. Къ сему мы приложили нашу собственную печать, обѣщая Вамъ съ обоюднаго согласія и однимъ мечомъ сражаться противъ общихъ враговъ, и дѣлать все, помянутое въ этомъ письмѣ, на сколько Господь продолжитъ намъ жизнь. Въ этомъ мы даемъ Вамъ наше слово и цоруку.

Дано въ нашемъ дворцѣ въ Гемптонкортѣ, 27 дня мѣсяца Мая, въ двѣнадцатое лѣто нашего царствованія, а отъ рождества Спасителя 1570.

II.

Письмо современника Англичанина о сожженіи Москвы Крымскимъ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571. *

The 24 May, being Ascension day, the King of the Crimmes came to the city of Moscow with above 120,000 horsemen and men of war. The Emperors captains and men of war being in garrisons in the holdes abroad and the Moscovians being improvided, the said Tartars set a fire the city and suburbs and both castles; say all timber work therein was consumed to ashes. Assuredly I think Sodom and Gomorrah were not in so short time consumed. I believe it was a plague sent by God to the wickedness of the people. The morning was exceedingly clear, fair and calm, without any wind; but being a fire, there was nothing, but whirlwinds and such a noise, as thought the heavens should have falln, and in such

---

* Harl. Mss. N. 247, fol. 208.

terrible wise, that when men were after in the houses, or in streets, they were destroyed; there was a wonderful number destroyed in all the country within 20 miles compass came into the city and castles, so did the all the suburbs, so all the houses and streets were full (of) people, that men could scarce go in them, and all consumed in fire, except certain men of war, which were skirmishing with the Tartars and few others, which fled over the walls into the river, where some were drowned and some saved; and in few cellars and churches a great number of them were roasted to death, as out of one of the company cellars in the English house died 30 persons thereof, 3 of them cervants to Sir Thomas Bentham, Thomas Fielde, John Warasleye, artificers, Thomas Chaffsne, Thomas Carver, apothecary, with dyvers others died. And in the next cellar, God preserved, Master Rowley, John Sparkes and William Glover. This cruel and sudden destruction came upon the Moscovians in great and wonderful whirlwinds, and at the end it was very calm again and fayre weather, that men might walk and see the dead bodies of men and horses, no small number, besides those, that were burned to powder. I pray God, I never (may) see the sight again. And the some day the Tartar dog had done this mischief, the night following he with all his power fled over the river Oca, which. . distant from the Mosco 8 versts in 3 quarters of an English mile. The place, where the Emperor liveth, called Slobedale. The Crim, vassal to the Emperor, hath invaded the best parte of the dominions. Eight hours after my delivermend out of Mosco, wherein I note God's good providence, the gates of the town were shut up; no man suffered to pass out, and such a candle light within I miles of Mosco, in one of the Dukes houses, that it might be scene of all Mosco, being by estimation 20 miles in compass, which also not long after was consumed with fire and not one stick left. In one house perished Thomas Bentham, Thoma Field, John Warasleye, Thomas Carver, apathecary, these with others strangers, all to the numbers of 25 persons died in our house. The number, that perished at the destruction of Moscow, was so great by report, that I will not name it. This will I say, that all the country for 60 miles round or more to Moscow, that 8 men in the town did not escape. Two monthes will scarce suffice to free the city (which now is nothing, but walls and here

and there a stone house much like a conduit head) from dead corpses of men and horses.

All this was plainly done; for at my coming from thence, all Mosco was troubled with the pleadings out of soldiers against the Crimme, who that was reported to be 300 miles of the place. The fire of the Crimme hath so stricken these peoples hearts, that as we came through Pereslavino, Bastoneswi, Irislaneskoe, the people were flying with theirs goods into caves and wilderness. So affraid were they left all with the fire, and from the Crimme would fly into sky. In my mind a thousand armed horsemen might have taken all before them Vologda, which is 300 miles from Mosco. The Crimme hath intrenched himself not far from Mosco. What will be the end of this war is uncertaine.

24-го Мая, въ день Вознесенія, Крымскій Ханъ пришелъ къ городу Москвѣ съ болѣе чѣмъ стодвадцатью тысячами конныхъ и вооруженныхъ людей. Такъ какъ Царскіе Воеводы и воины были въ другихъ городахъ какъ охрана, а Москвичи не приготовлены, то сказанные Татары зажгли городъ, пригороды и оба кремля. Всѣ деревянныя строенія, какія тамъ находились, были обращены въ пепелъ, и я убѣжденъ, что Содомъ и Гоморра не были истреблены въ столь короткое время. Я думаю, это было наказаніе, посланное людямъ за грѣхи народа. Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, безъ вѣтра; но когда начался пожаръ, то поднялась буря съ такимъ шумомъ, какъ будто обрушилось небо, и съ такими страшными послѣдствіями, что люди гибли въ домахъ и на улицахъ. На разстояніи 20 миль въ окружности погибло множество народа, бѣжавшаго въ городъ, и кремли, и въ пригороды, гдѣ всѣ дома и улицы были такъ полны народа, что некуда было протѣсниться; и всѣ они погибли отъ огня, за исключеніемъ нѣкоторыхъ воиновъ, сражавшихся съ Татарами, и немногихъ другихъ, которые искали спасенія, черезъ стѣны, въ рѣкѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ потонули, а другіе были спасены. Большое число сгорѣло въ погребахъ и церквахъ, между прочимъ 30 человѣкъ въ погребахъ Англійской Компаніи: изъ нихъ 3-е служителей Сера Томаса Бентама; умерли также Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, ремесленники, Томасъ Чефинъ, Томасъ Карверъ, аптекарь и нѣкоторые другіе.

Въ сосѣднемъ погребѣ спаслись, по милости Божіей, Роуди, Джонъ Спарксъ и Уильямъ Гловеръ. Это великое и внезапное разрушеніе, постигшее Москвитянъ, сопровождалось сильной, невиданой, бурей, а подъ конецъ погода снова прояснилась и стала тихой, такъ что люди могли ходить и видѣть великое множество труповъ людей и лошадей, не говоря уже о тѣхъ, которые обращены были въ пепелъ. Молю Бога не видѣть впредь подобнаго зрѣлища. Въ ночь послѣ того, какъ собака Татаринъ учинилъ это злодѣйство, онъ бѣжалъ со всею ратью къ рѣкѣ Окѣ, отстоящей отъ Москвы ..... верстъ: 8 верстъ приходится на $^3/_4$ Англійской мили.

Мѣсто, гдѣ живетъ Царь, зовется Слободою. Крымскій Ханъ, данникъ Царя, напалъ на лучшую часть его владѣній. Восемь часовъ послѣ того, какъ я выбрался изъ Москвы, въ чемъ я вижу перстъ благаго Провидѣнія, городскія ворота были заперты, никому не дозволено выходить, и такое пламя поднялось въ 7 миляхъ отъ города въ одной изъ Царскихъ палатъ, что пожаръ можно было видѣть со всѣхъ концовъ Москвы, имѣющей около 20 миль въ окружности. Вскорѣ послѣ того строеніе было истреблено огнемъ, такъ что не осталось и бревна. Въ одномъ домѣ погибъ Томасъ Бентамъ, Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, Томасъ Карверъ, аптекарь: всѣ они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранцами, всего 25 человѣкъ, погибли въ нашемъ домѣ. Число погибшихъ при разореніи Москвы показываютъ такое громадное, что я не рѣшаюсь передать его. Скажу только, что изъ окрестностей Москвы, на 60 миль и болѣе, и 3-мя человѣкамъ не удалось спастись въ городѣ. Въ два мѣсяца едва будетъ возможно очистить отъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ городъ, въ которомъ остались теперь одни стѣны, да тамъ и сямъ каменный домъ, словно головки водосточной трубы.

Такъ обстояло дѣло; въ ту пору, когда я оставилъ Москву, она была занята вылазками воиновъ противъ Крымцевъ, стоявшихъ станомъ, какъ говорили, въ 300 (?) миляхъ отъ города. Крымскіе пожары исполнили сердца жителей такого ужаса, что когда мы проѣзжали Переяславлемъ, Ростовомъ (Bastonesswi) и Ярославлемъ (Irislaneskoe), они спѣшили скрыться съ своимъ имуществомъ въ погреба и пустынныя мѣста; такъ напугали ихъ всѣхъ пожары, что отъ Крымцевъ они готовы были убѣжать на небо.

Мнѣ кажется, что тысяча вооруженныхъ всадниковъ легко могли бы овладѣть всей страной до Вологды, которая отстоитъ отъ Москвы на 300 (?) миль. Крымцы окопались недалеко отъ Москвы. Какой будетъ исходъ этой войны — не извѣстно.

III.

Тайныя сообщенія Сюарта Лорду Гольдернесу. *

На оборотѣ надпись: Advices—most secret.

I-ier lettre.

Monsieur!

Je n'ai pu rien apprendre de la famille infortunée du Duc de Brounswick, sinon qu'au commencement de l'hyver passé, le czar Ivan ayant été mené à Heusebburg (Slusserbourg?), y fut gardé jusqu'à la fin de la dite saison; qu'alors il fut transporté ici et mis dans une honnête maison particulière, appartenant à la veuve d'un secrétaire de l'inqu isition secrète, hors de la ville, mais fort proche; qu'il y fut assez étroitement gardé avec son gouverneur, pendant quatre semaines ou environ, par un officier et quelques soldats des gardes; qu'il prit fantaisie à Sa Majesté Impériale de le faire mener un soir fort secrètement dans le vieux palais d'hiver, et qu'elle avait la curiosité de le voir à table, d'un appartement secret, étant habillée en homme et accompagnée seulement de son favori d'à présent Ivan Shouwaloff; que quelques jours après il fut reconduit au lieu de son exil précédent, et qu'on envoya avec lui quelques hardes nécessaires et du linge, et qu'au reste, toute la famille se porte bien et est bien traitée et entretenue sur le même pied que ci-devant. Comme le maréchal Apraxine, qui recevoit quelquefois quelques informations des officiers de son régiment aux gardes, employés dans cette affaire, est absent, il est impossible de savoir rien de particulier sur l'état de cette famille. Tout ce qui regarde cette affaire est entièrement confié à la seule direction du Conseiller privé Tscherkassoff, homme impénétrable et le plus brutal dans ses façons, qui se trouve dans

---

* Mitchell Papers. Add. Mss. N. 6815, f. 133—145.

tout l'Empire, d'alleurs scrupuleux, mais cependant point violent dans l'observation de ses ordres. Le reste des effets de cette famille, qui ont resté st longtemps à Memél, et qui ont été transportés ici cet été, sans que le Grand Chancelier en ait rien su, jusqu'à ce que je lui en ai parlé, a été d'abord apporté à cette cour; après quoi L'Impératrice les a distribues aux gens vides, qui l'environnent sans cesse. Dieu seul sait ce, qui peut arriver au sujet de la succession, en cas que l'Impératrice meure, ce qui peut arriver au prémier jour et ne parait pas même devoir être regardé comme fort éloigné, vu l'état de S. M. Imperiale, qui empire de jour en jour: personne ne peut rien espérer de bon à cet égard, ni rien attendre du Grand Duc.

Le Grand Chancelier commence aussi à douter aussi bien que moi depuis qu'il nous a découvert son idée, qu'il puisse venir à bout de faire parvenir La Grande Duchesse et le Grand Duc au gouvernement de ce pays, surtout depuis qu'Apraxin s'est raccommodé avec le Comte de Schouvaloff, qui est devenu publiquement le galant de sa fille, la Princesse de Kourakin, et qui pour cette raison s'est désisté de sa prétention au grade de Feld-Maréchal en faveur d'Apraxin, qu'il a par la attiré dans son parti. Chacun croit pour sûr, qu'il y a un testament, fait en faveur du jeune Grand Duc, à l'exclusion de son père, et que le Comte de Schouwaloff sera nommé Régent, ou pour le moins, chef d'un conseil de régénce, et que par ce moyen, et à la faveur de la confusion et du désordre, qui doivent provenir d'une telle disposition, il pourrait bien porter ses vues jusqu' à s'emparer lui même de la couronne.

Toutes ces mesures, toutes ces démarches, paraissent dirigées vers ce but. Les principaux domaines, les mines de fer et de cuivre de la couronne, lui appartiennent en propre; la monnaie est entièrement abandonnée à sa direction et à sa disposition; le bureau des sels, dont on paye les gardes et dont la cour et la cassette privée de S. M Impériale sont entretenues, est entre ses mains et il en dispose sans que personne d'autre y puisse rien voir. La capitation, dont toute l'armée entière est entretenue, est diminuée tous les ans par lui, de sorte que dans peu de temps tout l'argent pour l'entretien de l'armée doit naturellement entrer dans les bureaux de sel et par conséquent dans ses mains; la moitié y étant

déjà. Il commande le corps de l'artillerie; il a formé un corps d'observation de 30 mille hommes, composé de tout ce qu'il y a de plus déterminés officiers et grenadiers de toute l'armée, dont une légion doit à présent contre vent et marée venir faire garnison dans cette capitale, pendant que le reste formera un cordon le long de la Dvina, depuis Riga jusqu'au dessus de Smolensk. Cette armée et indépendante de tous autres ordres que les siens, aussi bien que le régiment de cuirassiers du corps, qui est ici et qui est entièrement à sa disposition. S'il a le courage, il ne peut manquer de réussir, mais il en a fort peu. Il a cependant à sa dévotion des gens, qui y excellent, tels que Gleboff et autres. Outre tout cela, il tient les principales branches du commerce. Par son commerce de bois il a ruiné les provinces et les villes d'Esthonie, de Narva, Pernau, Pleskau, Nowogorod et Smolensko. Il a le commerce de l'huile de baleine, la livrance des eaux de vie de Russie et de France à la couronne et des provisions à la cour; la plus grande part dans le commerce du Levant, de Perse et de la Chine; la ferme des droits de Kislar et d'Astrakan; en un mot, il gouverne à présent tout absolument, et jamais personne n'a eu une plus grande autorité que lui; il ne se fait rien sans sa volonté ou contre son gré, et il est le canal de toutes les grâces et de toutes les faveurs; il ne lui manque que de pouvoir gagner du crédit auprès des gardes; cela ne saurait lui manquer dans la suite, dès qu'il viendra à y vaquer seulement un poste de Lieutenant Colonel. Tout cela forme une perspective, qui fait dresser les cheveux, quand on y pense. En attendant, L'Impératrice n'écoute qu'eux; ne voit, ni ne s'informe de rien et continue son même train de vie, et a livré, à la lettre, l'Empire au pillage à un chacun: de sorte, que chacun pille, vole, commet des injustices, se fait droit à soi même et emporte ce qu'il veut avec impunité et sans que personne s'en embarrasse. En un mot, jamais la Russie n'a été dans un état plus embrouillé, plus dangereux, ni plus pitoyable, qu'elle l'est à présent. Il s'en faut de beaucoup qu'on ne puisse prévoir, quelle sera la fin de tout cela, et cet Empire est devenu entièrement inutile à ses amis et méprisable pour les ennemis; il n'y reste plus la moindre ombre de bonne foi, d'honneur, de confiance, de pudeur ou d'équité, et l'on n'y voit plus qu'une vanité et un luxe inexprimables et qui menacent ruine. Cependant les

anciennes familles et le commun peuple sont opprimés de la manie la plus cruelle par tous ces hommes nouveaux, tirés du néant, et les enfants des plus puissants sont forcés d'épouser des gens du plus bas étage, qui sont en faveur. Leur unique espoir et celui des gardes est dans le rétablissement du Czar Ivan, mais je n'y vois que bien peu d'apparence, tant que la famille du Comte de Shouwaloff sera aussi fort au dessus de tout et que son pouvoir augmentera journellement.

Les intrigues et les amourettes de la Grande Princesse avec le Comte Poniatovsky sont connues à l'Impératrice, mais elle ne fait rien paraître ce, qui ne signifie rien de bon pour elle; elle doit même avoir dit, qu'elle lui ferait bien payer tout à la fois ci-après. Sa M. l'Impératrice a pour elle et pour le Grand Duc un souverain mépris et la nation déteste ce dernier de plus en plus tous les jours. Il ne reste presque plus rien des domaines de la couronne, qui vaille la peine d'en parler. On les a tous donnés aux Shouvalloff, où à leurs amis et même une portion considérable à leurs ennemis, pour leur fermer la bouche, parce qu'on ne veut pas entendre le moindre mal d'aucun de cette famille. Nous en avons eu un exemple depuis peu: le Chambellan de Woronzoff, frère du Vice-Chancelier raisonnait publiquement à table en présence du Grand chancelier, du Comte de Shouwalloff et de plusieurs autres, les fourberies, les mauvaises actions et les vices dangereux du Comte de Shouwalloff. Il en parla rondement, avec justice, de très bonnes raisons et beaucoup de fondement Ceci causa beaucoup de confusion et d'alarme. L'Impératrice a travaillé inutilement pendant long temps à les apaiser tous deux, et n'a pu y réussir qu'en donnant au Chambellan un de ses domaines de 30 mille roubles de revenu, De pareils exemples sont frèquents. Elle n'a pas la moindre autorité; on n'ose en faire usage, par crainte pour elle même. Il faut qu'il (qu'elle?) appaise tout à force de dons et de gratifications et qu'elle connive à tout. C'est par là seul et de cette façon que ce gouvernement subsiste par un espèce de miracle.

J'ai l'honneur d'être etc.

M. de Swart.

St. Pétersbourg.
le 16 Octobre, 1757.

Милостивый Государь!

Я ничего не могъ узнать о злополучномъ семействѣ Герцога Брауншвейгскаго, развѣ только, что въ началѣ прошлой зимы, Царя Ивана привезли въ Шлиссельбургъ и продержали тамъ до конца зимы; тогда перевезли его сюда и помѣстили въ домѣ частнаго лица, именно въ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ Секретаря Тайной Канцеляріи, внѣ города, но въ близкомъ отъ него разстояніи; за нимъ строго смотрѣли, также какъ и за его воспитателемъ, въ продолженіе четырехъ недѣль, или болѣе, Офицеръ и нѣсколько гвардейцевъ; потомъ Ея Величеству вздумалось велѣть привезти его весьма тайно вечеркомъ въ старый зимній дворецъ, гдѣ Ея Величество полюбопытствовала посмотрѣть на него за столомъ, изъ особенныхъ покоевъ, одѣвшись мущиною и въ сопровожденіи теперешняго своего любимца, Ивана Шувалова; нѣсколько дней спустя его снова привезли въ прежнее мѣсто его ссылки и прислали ему необходимую одежду и бѣлье; впрочемъ, все семейство въ вожделѣнномъ здравіи, съ нимъ обращаются и держатъ его на той же ногѣ, что и прежде. Такъ какъ Фельдмаршалъ Апраксинъ, который иногда получалъ извѣстія отъ Офицеровъ своего гвардейскаго полка, которому поручается это дѣло, теперь въ отсутствіи, то нѣтъ возможности ничего узнать особеннаго о положеніи этого семейства. Все, что относится до этого дѣла, вполнѣ поручено завѣдыванію Тайнаго Совѣтника Черкасова, человѣка непроницаемаго и самаго рѣзкаго въ обращеніи, кажется, во всей Имперіи, впрочемъ, совѣстливаго, но не жестокаго, исполнителя данныхъ ему приказаній. Остальныя вещи этого семейства, которыя такъ долго оставались въ Мемелѣ, и перевезены были сюда лѣтомъ, такъ что Канцлеръ ничего объ этомъ не зналъ, пока я ему не напомнилъ о нихъ, сперва привезены были ко Двору, и тогда Императрица ихъ раздала жадным лицамъ, которыя ее безпрестанно окружаютъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, кто будетъ наслѣдникомъ въ случаѣ смерти Императрицы, что можетъ случиться внезапно, и даже не считается отдаленнымъ, судя по состоянію здоровья Ея Величества, которое становится хуже день ото дня; никто не можетъ надѣяться на что ни будь хорошее въ этомъ отношеніи; никто ничего не ожидаетъ отъ Великаго Князя.

Канцлеръ начинаетъ также сомнѣваться, по моему, съ тѣхъ поръ, какъ открылся мнѣ въ своихъ замыслахъ, именно: чтобы онъ могъ успѣть поставить во главѣ правленія этого Государства Великую Княгиню и Великаго Князя, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Апраксинъ снова сошелся съ Графомъ Шуваловымъ, который сталъ извѣстнымъ поклонникомъ его дочери, Княгини Куракиной; Графъ даже по этой причинѣ отказался отъ Фельдмаршальской степени, передавъ ее Апраксину, котораго тѣмъ и привлекъ къ своей сторонѣ. Каждый вѣритъ, что есть непремѣнно духовное завѣщаніе, сдѣланное въ пользу юнаго Великаго Князя, за исключеніемъ его отца; думаютъ, что Графъ Шуваловъ будетъ названъ Правителемъ, или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ Правительственнаго Совѣта, и что такимъ путемъ, пользуясь суматохой и безпорядкомъ, неразлучными съ такимъ положеніемъ дѣлъ, онъ можетъ простирать свои виды даже до завладѣнія властію собственно для себя.

Всѣ его распоряженія, поступки, кажется, клонятся къ такой цѣли. Главнѣйшія Государственныя имущества, желѣзныя и мѣдныя руды казны, принадлежатъ ему; монетный дворъ совершенно предоставленъ его управленію и распоряженію; соляной дворъ, доходами котораго платятъ гвардіи, содержатъ Дворъ и пополняютъ собственную кассу Ея Величества, также находится въ его рукахъ, и онъ имъ распоряжается безъ всякаго учета. Подушныя подати, которыми содержится войско, ежегодно имъ уменьшаются, такъ что въ скоромъ времени всѣ деньги, нужныя для содержанія онаго, должны, слѣдовательно, войти въ конторы солянаго двора и перейдутъ въ его руки; онъ завладѣлъ уже цѣлой ихъ половиной. Онъ начальствуетъ артиллерійскимъ корпусомъ; онъ образовалъ наблюдательный корпусъ въ 30,000 человѣкъ, выбранныхъ изъ самыхъ рѣшительныхъ Офицеровъ и гренадеровъ, бывшихъ въ войскѣ; часть этого корпуса должна, не смотря на препятствія, явиться въ столицу для занятія всѣхъ стражныхъ мѣстъ, пока остальная часть составитъ цѣпь вдоль Двины, начиная отъ Риги и даже за Смоленскъ. Это войско подчиняется только однимъ его приказаніямъ, также какъ кирасирскій полкъ, который находится теперь здѣсь и вполнѣ отданъ въ его распоряженіе. Если у него хватитъ духа, онъ не можетъ потерпѣть неудачи; но духа-то у него очень мало. Но ему пре-

даны, однако, люди, которые и отличаются характеромъ: таковы Глѣбовъ и другіе. Кромѣ того, главныя отрасли торговли тоже находятся въ его рукахъ. Своею торговлею лѣсомъ онъ разорилъ области и города Эстоніи, Нарву, Перновъ, Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ. У него же въ рукахъ торговля китовымъ жиромъ; онъ снабжаетъ казну водкой Русскою и Французскою и поставляетъ продовольствіе ко Двору; онъ имѣетъ главную часть торговли съ Востокомъ, съ Персіею, съ Китаемъ; у него же откупъ (рыбной ловли) въ Кизлярѣ и въ Астрахани; однимъ словомъ, онъ теперь рѣшительно всѣмъ управляетъ, и никогда никто не имѣлъ подобной власти; ничто не дѣлается мимо его воли, или противъ его желанія; черезъ него идутъ всѣ благоволенія и милости; ему стоитъ только привлечь къ себѣ гвардію, что непремѣнно будетъ въ послѣдствіи, едва только опростается тамъ мѣсто Подполковника. Все это такимъ представляется въ будущемъ, что какъ подумаешь только, то волосы становятся дыбомъ. Императрица слушаетъ только ихъ, ни о чемъ не освѣдомляется и, продолжая жить по прежнему, буквально отдала Государство на разграбленіе кому угодно, такъ что всякій грабитъ, воруетъ, дѣлаетъ несправедливости, самъ расправляется и беретъ, что хочетъ безнаказанно, и никто даже объ этомъ и не заботится. Однимъ словомъ, никогда Ротсія не была въ положеніи столь смутномъ, болѣе опасномъ и столь достойномъ сожалѣнія, какъ теперь. Не трудно предвидѣть, каковъ будетъ всему этому конецъ. Это Государство совершенно стало безполезно для своихъ друзей и презирается врагами; въ немъ уже нѣтъ и тѣни правоты, чести, довѣрія, стыда, или справедливости; только и видишь невообразимыя чванство и роскошь, которыя угрожаютъ полнымъ разореніемъ. Старинныя фамиліи и простой народъ подвергаются самымъ жестокимъ притѣсненіямъ отъ лица новыхъ людей, выведенныхъ изъ ничтожества, и дѣти самыхъ именитыхъ семействъ принуждены родиться съ людьми самаго низкаго происхожденія, но пользующихся милостію. Единственная надежда ихъ и гвардіи возвести вновь на престолъ Царя Ивана, но я не вижу ни какого къ тому исхода, пока фамилія Графа Шувалова будетъ надъ всѣмъ первенствовать и власть Графа будетъ ежедневно увеличиваться.

Интрига и любовныя похожденія Великой Княгини съ Гра-

фомъ Понятовскимъ сдѣлались извѣстны Императрицѣ, но она не подаетъ ни какого виду, что не предвѣщаетъ ничего хорошаго; она, кажется, даже сказала, что взыщетъ съ Княгини все разомъ попозже. Ея Величество презираетъ вполнѣ и Княгиню и Великаго Князя, котораго въ Государствѣ день ото дня болѣе и болѣе ненавидятъ. Такъ мало осталось отъ Государственныхъ имуществъ, что даже не стоитъ о нихъ говорить. Всѣ ихъ отдали Шуваловымъ, или ихъ друзьямъ; отдана даже важная довольно часть ихъ врагамъ, чтобы заставить ихъ молчать, по тому что рѣшительно не хотятъ слышать ничего дурного про кого бы то ни было изъ этого семейства. У насъ былъ примѣръ на дняхъ: Камергеръ Воронцовъ, братъ Вице-Канцлера, обсуживалъ открыто за столомъ, въ присутствіи Канцлера, Графа Шувалова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, плутовство, плохіе поступки и опасные пороки Графа Шувалова. Онъ высказался на прямки, справедливо, съ весьма хорошими доводами и съ большою основательностію. Этотъ разговоръ произвелъ много смутъ и опасеній. Императрица напрасно и долго старалась ихъ помирить, и успѣла въ этомъ только, подаривъ Камергеру одно изъ своихъ помѣстьевъ, дающее 30,000 рублей дохода. Такіе примѣры здѣсь сплошь да рядомъ. Она не имѣетъ ни малѣйшей власти, и боятся къ ней взывать изъ боязни за самую Государыню. Ей необходимо всѣхъ умиротворять дарами и наградами, она всѣмъ и всему потакаетъ. Такимъ только образомъ и только этимъ существуетъ еще это Правительство по какому-то чуду.

Имѣю честь быть.

М. Сюартъ.

С. Петербургъ.
16 Октября, 1757 года.

II-de lettre.

Quoique l'on proteste publiquement ici, que la retraite de l'armée Russienne hors de Prusse, si scandaleuse pour cette cour, n'a été exécuté que par faute de vivres et de fourrages, sur l'avis unanime d'un conseil de guerre; il y a cependant ici certains avis secrets, venant de bonne main, datés de Königsberg et de Welau, qui

marquent que selon toute apparence, elle a été entreprise en conséquence d'un ordre ou d'une insinuation reçue. Un Bourguemâistre de Welau, rendant témoignage, que lui, étant avec le Maréchal Apraxin, ce dernier avait reçu en sa présence, un courier avec des depêches d'ici, et qu'ayant lu une lettre, il avait levé les mains au ciel, comme transporté de joye, et qu'il avait d'abord après fait assembler le conseil de guerre sur quoi, la retraite avait d'abord été entreprise.

L'on croit pour sûr, que le Comte de Shouwaloff, qui depuis un an est parfaitement bien avec le Maréchal d'Apraxin, a obtenu un tel ordre de l'Impératrice en secret, ou que même il aura de son propre chef, envoyé une insinuation à cet effet au Feld-Maréchal; la dernière opinion parait fortement établie, et l'on assure, qu'il l'a fait, parceque Sa Majesté ayant eu régulièrement depuis deux où trois ans, tous les étés des attaques très fréquentes et très dangereuses, il avait prévu les mêmes attaques cette année, ce qui a été confirmé par l'événement, et qu'afin d'avoir en cas de sa mort M. d'Apraxin avec son armée à portée sur la frontière ou dans le pays, il lui avait insinué par précaution de prendre un prétexte pour se retirer et de revenir d'abord ici. Cependant on se déchaine contre ce Maréchal de la façon la plus violente, comme si par son retour il avait à attendre la plus haute disgrâce et une punition sevère pour sa conduite, mais je suis fort tranquille à cet égard.

Les mêmes avis portent aussi, que la capitulation pour la ville de Königsberg était préparée dans cette ville presque sans défense, et qu'elle aurait été présentée aux Russes, s'ils avaient seulement continué leur marche, et qu'ils auraient trouvé dans cette ville et dans ses environs des provisions en plus grande abondance, que celles, qu'ils débitent devoir aller chercher dans leurs magasins en Courlande et en Lithuanie, tout comme s'il n'aurait pas été plus commode de les faire transporter après eux, que de les aller chercher avec toute leur armée. Il n'y a rien de plus étonnant, que de voir, que cette armée n'ait point fait le moindre usage de la conquête de Memel et de toute la contrée maritime de Prusse, qu'ils occupaient depuis là jusqu'à Insterbourg, le long du golfe de la Courlande, pour transporter le restant de leurs subsistances par eau, en traversant ce golfe depuis Memel jusqu'à Insterbourg avec les galè-

res et autres bâtiments convenables d'autant plus qu'ils n'avaient à craindre aucun empêchement de la part de l'ennemi.

Le dessein du Maréchal était selon ce qu'il en a écrit ici lui même de dévaster et brûler tout dans sa retraite depuis Insterbourg jusqu' à Tilsit (mauvaise preuve de l'intention de reprendre les opérations cette année comme on a voulu le faire croire et qui donne fortement à penser, qu'on avait grand peur d'être poursuivi par l'ennemi). Mais on lui envoya d'abord défense de rien faire de semblable. Cependant il a écrit dans ce temps là au Sénat d'envoyer les ordres nécessaires en Courlande et en Livonie pour y préparer les quartiers pour l'armée qui est déjà depuis longtemps bien au delà de Tilsit. On assure, que l'on lui a envoyé ordre de disposer tellement son armee, qu'elle ait Memel au centre comme son principal magasin et de tâcher de conserver cette place. On lui a fait aussi de vifs reproches de ce qu'il n'a point envoyé, ni fait aucune mention dans ses rapports des lettres que le Feld-Maréchal Lehevald lui a écrit, touchant les dévastations que les troupes irrégulières ont commises en Prusse et touchant l'échange des prisonniers, avec ordre d'envoyer d'abord ici les originaux de ces lettres. Le Général Sibilsky a aussi fait de grandes plaintes ici de ce que pendant la bataille, le matin à 7 heures et demie il avait fait prier le Maréchal Apraxin de lui envoyer quelques dragons et troupes irrégulières pour occuper les défilés, que l'ennemi devait passer dans la retraite, assurant, qu'il lui rendrait bon compte de toute l'armée Prussienne, que quoiqu'il eut réitiré à tous moments cette prière, il n'en avait pu obtenir aucune réponse jusqu'à 4 heures du soir, qu'il lui envoya quelques Cosaques, lorsque l'ennemi avait déjà passé les défilés et qu'il étaittrop tard pour pouvoir rien exécuter. Pendant la bataille toute la cavalerie russienne, soi disant réglée, fut culbutée en moins de rien; et ce qui ne fut pas tué fuit depuis Jegersdorf jusqu'à Insterbourg sans regarder derrière soi: la plus grande perte fut parmi elle; cependant on n'en a presque pas fait mention dans la liste, et l'on n'y a inséré que les noms des officiers, dont la perte pouvait s'apercevoir ici, les autres noms, peu où point connus, sont omis. La perte entière fut de près de 20 mille hommes, parmi lesquels il y eut huit cents officiers, et selon le dernier rapport du Mar. Apraxin, toute son infanterié ne consiste plus qu'en 45 mille hommes, ou environ, ce qui fait à peu près la moitié de ce, qu'il

avait, quand il s'est mis en marche. On a gagné la victoire, on ne sait, comment par le moyen de l'infanterie, qui a forcé ses officiers de faire ferme, ou d'avancer, comme à Wilmanstrand, pendant la dernière guerre contre la Suède.

Cette conduite, selon toute apparence, dérangera principalement l'entreprise des Suèdois en Poméranie.

En attendant le Ministre Saxe n'a point encore reçu de réponse aux représentations, qu'il a faites contre cette rétrogradation et le Comte Esterhazi n'avait point encore eu ordre de sa cour ces jours passés de faire de pareilles remontrances.

Le Chevalier Lambert, qui a été enlevé depuis quelque temps de la prison à Warsovie, est depuis quelques semaines dans cette capitale; pendant qu'on le transportait ici il a trouvé moyen de jeter secrétement du chariot sur le chemin entre Peterhoff et ici quelques billets, contenant ces mots: «Mes chers amis! Je vous prie au nom de Dieu faites savoir à ma pauvre femme à Dantzig, que son mari, le Chevalier Lambert existe.» Deux de ces billets ont été trouvés par deux marchands Allemands, nommés Groot et Lindenson, qui étaient allés par hasard se promener sur ce chemin. Il est renfermé ici avec les deux espions, Römer et Manstein, dont j'ai eu l'honneur de vous parler cy-devant et qui ont déjà subi le knout; si Lambert n'y a pas déjà passé, il ne l'échappera certainement pas.

Le 8 de ce mois l'Impératrice eut encore dans son appartement une nouvelle attaque d'apoplexie, mais pas si violente, que celle, qu'elle eut à Crasnoe Selo; elle fit le lendemain un effort pour paraître en public à la cour, mais au lieu de se tenir debout, ou de marcher, comme elle a coutume de faire, elle fut obligée de s'asseoir d'abord comme pour jouer, mais elle s'y trouva mal et se fit donner du castoreum seulement, croit on pour faire croire au public, que son mal n'est autre chose, que des passions hystériques; ensuite elle se retira. On a encore tenté à ce qu'on m'assure de faire revenir ici le Professeur Gaubius. Je n'ai pas encore pu rien apprendre de nouveau, touchant le traité secret, qui se négocie entre les cours de Vienne, de France, de Russie et (selon toute apparence) de Suède, et dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir dans ma lettre du 23 Août. En attendant le Comte Esterhasi a été fort souvent depuis quelque temps avec le Baron de Poste, Ministre de Suède, en

conférence avec le Grand Chancelier. L'ambassade de France, sur la magnificence de laquelle on s'était au commencement forgé les idées les plus brillantes, paraît de jour en jour tomber de plus en plus dans le déclin; tant à cause de leur économie peu commune et par ce que ceux, qui font ici profession de protéger les arts et les sciences, et qui ont pour cette raison beaucoup contribué à l'accommodement de cette cour avec la France, s'étaient attendus, qu'elle aurait amené à sa suite un grand nombre de beaux-esprits de France (au lieu qu'il n'y a rien de plus médiocre, que ce que s'y trouve), que parceque M. L'Ambassadeur, homme d'ailleurs fort raisonnable, ne parle que touchant et contre des excès commis, il y a plusieurs années par les Haydamaques de Pologne, ajoutant toujours: «De la part de ma cour», et mille autres bagatelles et procédures de cette cour en Pologne, qui paraîssaient n'avoir pas plû à la France, laquelle veut à cause de cela, qu'on les redresse; et ce de quoi l'on ne veut pas entendre parler ici; c'est pourquoi l'on compte pour sûr, que cette nouvelle harmonie ne sera pas, ni peut être de longue durée.

Cet Ambassadeur, qui ne tire que 140 mille livres d'appointement, dont il ne peut pas subsister ici, a dejà demandé son rappel, à moins que sa cour ne veuille lui donner une augmentation de salaire. Les cinq cavaliers d'ambassade reçoivent de leur cour ensemble dix mille livres, dont ils doivent s'entretenir et se nourrir, sans que l'Ambassadeur leur donne rien, ni soit obligé de leur rien donner, de sorte qu'ils font une figure extrêmement mince; c'est pourquoi il les a rebaptisés au lieu de cavaliers d'ambassade, jeunes gens de famille, qui voyagent aux dépens du Roi. Le Grand Chancelier s'est laissé entrainer bon gré, mal gré, lui même dans le parti Français, emporté par le torrent et en partie par la crainte bien fondée de leurs efforts pour opérer sa chûte, quoiqu'il soit un peu tranquillisé sur ce dernier article par la cour de Saxe, qui a fait en sorte, par le moyen de la Dauphine, e le faire charger des instructions, que l'on avait données à l'Ambassadeur sur ce point, mais il ne s'y fie pas plus que de raison. Son Excellence me l'a fait connaître ouvertement avec les plus fortes assurances (qu'il m'a réiterer plusieurs fois), que, malgré tout cela, son coeur est toujours porté pour l'Augleterre, et dès qu'on n'aura plus besoin ici de ména-

ger la France, il ne laissera passer aucune occasion de rétablir les affaires avec cette cour sur l'ancien pied.

Les ratifications du traité de subside entre la cour de Vienne et le Grand Duc ont été échangées le 10 du courant, et M. l'Envoyé de Danemarc paraît avoir perdu tout espoir de venir à bout d'échanger le Duché de Holstein contre les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst.

Il est certain, que la flotte Russienne ne s'est retirée dans les ports de Suède par aucune autre raison, que la crainte de voir une escadre Anglaise dans la mer Baltique; à peine est—il resté assez de monde sur cette flotte, pour la ramener dans ces ports, de sorte que même les officiers ont été forcés de faire la manoeuvre des matelots; la plupart des équipages étant morts en mer et le reste, qui en fait la moindre partie, ayant été transporté extrêmement malade dans les hopitaux. De toute la flotte on n'a pu depuis peu trouver passablement de monde que pour 7 vaisseaux, qui ont été employés sous les ordres du Vice-Amiral Polansky, pour transporter quelques-vivres et fourrages à Memel.

On paraît ici effectivement concevoir beaucoup d'ombrage de la venue du Colonel Anglais Campbell à Stockholm, et de ce que M-r. le Chevalier Williams a présentement repris le dessein d'aller par ce chemin là, et cela justement dans le temps, qu'on a eu ici la nouvelle de l'arrivée du Colonel à Stockholm, et l'on semble craindre fort, qu'il y a une négociation sur le tapis contre cet empire entre les cours de la Grande Bretagne, de Suède, de Danemarc et de la Prusse; quel fondement il y a eu pour cela, c'est ce que j'ignore, mais le déplorable et misérable état de décadence, où l'on se trouve ici, et qui augmente journellement, sans qu'on voie le moins du monde, où cela finira, paraît avoir beaucoup de part à ces frayeurs.

Il vous sera peut-être connu, Monsieur, que cette cour, conjointement avec celle de France et de Suède, ont beaucoup pressé la cour de Danemark depuis quelque temps, de prendre de concert avec elles, des mesures efficaces pour s'opposer à la venue d'une escadre Anglaise dans la mer Baltique; le roi de Danemark a répondu «qu'il n'avait pas la moindre information d'aucun dessein, qu'eut la cour d'Angleterre d'envoyer une telle escadre dans la Baltique; qu'il ne le pouvait pas même croire, mais qu'au cas, que cela fut

fait cependant, sa Majesté avait résolu de se servir de la voie de la négociation, ou de faire contre cette démarche des représentations amicales, mais nullement de s'y opposer par la force, ce qui serait absolument contraire à la neutralité, que Sa Majesté avait embrassée.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

S.-Petersbourg.
19 Oct. 1757.

Хотя здѣсь завѣряютъ открыто, что отступленіе Русской арміи изъ Прусіи, столь позорное для этого Двора, случилось только въ слѣдствіе недостатка припасовъ и корму и по единогласному мнѣнію военнаго совѣта, но есть тутъ нѣкоторыя тайныя извѣщенія, исходящія изъ вѣрныхъ рукъ и помѣченныя въ Кенигсбергѣ и Велавѣ, которыя замѣчаютъ, что, по всему видимому, отступленіе свершилось по приказанію, или намеку, присланному отсюда. Въ Велавѣ Бургомистръ удостовѣряетъ, что когда онъ находился съ Фельдмаршаломъ Апраксинымъ, къ послѣднему, въ его присутствіи, явился курьеръ съ бумагами отсюда; Апраксинъ прочелъ письмо, поднялъ руки къ небу, какъ будто весьма обрадованный, и тотчасъ велѣлъ собраться военному совѣту, на которомъ предпринято было дѣло объ отступленіи.

Почти навѣрное думаютъ, что Графъ Шуваловъ, который уже съ годъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Апраксинымъ, тайно выпросилъ у Государыни такое приказаніе, или даже лично самъ послалъ внушеніе въ такомъ смыслѣ Фельдмаршалу; послѣднее мнѣніе, кажется, преобладаетъ, и даже увѣряютъ, что Графъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что Ея Величество уже два, или три, года, каждое лѣто подвергается частымъ и опаснымъ припадкамъ; Графъ предвидѣлъ повтореніе припадковъ нынѣ лѣтомъ, что и подтвердилось самымъ дѣломъ; по тому онъ, въ случаѣ смерти Государыни, пожелалъ имѣть по близости Апраксина и его войско, хотя бы на границѣ, или въ самой Россіи; онъ и внушилъ ему изъ предосторожности прибѣгнуть къ предлогу, чтобы отступить и вернуться сюда. Здѣсь чрезвычайно раздражены противъ Фельдмаршала, и точно, онъ, въ слѣдствіе своего возвращенія сюда, подвергнется величайшей

заны были кнутомъ; если Ламбертъ не подвергся еще этому наказанію, то навѣрное его не избѣгнетъ.

Осьмаго числа этого мѣсяца Императрица подверглась въ своихъ покояхъ снова апоплексическому удару, но не столь сильному, какъ въ Царскомъ Селѣ; на другой день она усилилась показаться Двору, но чѣмъ бы держаться стоя, или ходить по своему обыкновенію, она принуждена была сѣсть, подъ видомъ игры въ карты; но съ ней сдѣлалось дурно, и она велѣла себѣ прописать только бобровой струи; повѣрите ли, для чего? чтобы заставить подумать всѣхъ, что она страдаетъ только истерикой, потомъ она удалилась. Здѣсь пытались также, какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, вернуть сюда Професора Гобіуса. Ничего немогъ я еще узнать новаго о тайномъ договорѣ, который заключается между дворами Вѣнскимъ, Французскимъ, Русскимъ и (по видимому) между Шведскимъ, о чемъ я уже имѣлъ честь Вамъ передавать въ письмѣ 23 Августа. Между прочимъ Графъ Эстергази съ нѣкоторыхъ поръ часто бывалъ на совѣщаніи съ Великимъ Канцлеромъ вмѣстѣ съ Барономъ de Passe, Шведскимъ Посланникомъ Французское Посольство, о великолѣпіи котораго сначала шли самые восторженные слухи, кажется, упадаетъ день отъ дня, сколько въ слѣдствіе своей необыкновенной экономіи, столько и по тому, что тѣ, которые заявляютъ себя здѣсь покровителями искуствъ и наукъ, и по этой причинѣ много способствовали хорошимъ отношеніямъ Французскаго Двора съ здѣшнимъ, ожидали, что Посольство привезетъ съ собою изъ Франціи много остроумныхъ людей (вмѣсто того нѣтъ ничего посредственнѣе личностей, изъ которыхъ состоитъ Посольство), но и самъ Посолъ, человѣкъ, впрочемъ, весьма разсудительный, говоритъ только о безчиніи, которое позволили себѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Польскіе Гайдамаки, и все еще прибавляетъ: «Со стороны моего Двора;» онъ говоритъ также о многихъ другихъ пустякахъ, равно какъ о происках этого Двора въ Польшѣ, которые сильно не понравились Франціи; послѣдняя даже желаетъ по тому, чтобы ихъ загладили, а здѣсь объ этомъ и слышать не хотятъ; на такомъ основаніи разсчитываютъ навѣрно, что хорошія отношенія не будутъ, и не могутъ быть, долговременны.

Посолъ получаетъ не болѣе 140,000 ливровъ жалованья, которые недостаточны для жизни здѣсь; по тому онъ просился уже

въ отставку, и останется тогда, когда Дворъ увеличитъ его содержаніе. Пять Посольскихъ чиновниковъ, всѣ вмѣстѣ, получаютъ отъ Двора 10,000 ливровъ на содержаніе и прокормленіе, и Посолъ ничего не даетъ имъ и не долженъ давать; такимъ образомъ они играютъ весьма незначительную роль, и онъ перекрестилъ ихъ, назвавъ, вмѣсто чиновниковъ Посольства, молодыми людьми знатныхъ семействъ, которые путешествуютъ на иждивеніи Короля. Великій Канцлеръ, волей, неволей, вовлекся въ партію Французскую, отчасти въ слѣдствіе общаго къ ней стремленія, отчасти изъ основательнаго опасенія подвергнуться паденію изъ за ихъ усилій; онъ, однако, немного успокоился въ этомъ отношеніи дѣйствіями Саксонскаго Двора, который, посредствомъ супруги Дофина, заставилъ передать ему тѣ наказы, которые даны были Послу объ этомъ предметѣ; но онъ все таки этому не довѣряется. Его Превосх дительство ясно мнѣ въ этомъ открылся, и сильно старался увѣрить меня (онъ повторялъ увѣренія нѣсколько разъ), что, не смотря на все предыдущее, онъ сердцемъ за Англію, и едва только минетъ необходимость щадить Францію, онъ не упуститъ случая возстановить дѣла съ Англіей на прежнемъ основаніи.

Утвержденіе договора о помощи между Дворомъ Вѣнскимъ и Великимъ Княземъ произошло десятаго числа текущаго мѣсяца, и Посланникъ Датскій, кажется, совершенно потерялъ надежду добиться обмѣна Герцогства Голштинскаго на Графства Ольденбургское и Дедмецгорстское.

Совершенно вѣрно, что Русскій флотъ удалился въ Шведскія пристани только по тому, что опасался появленія Англійской эскадры въ водахъ Бальтійскаго моря; едва осталось довольно народа на корабляхъ, чтобы привести ихъ въ эти пристани, такъ что даже Офицеры принуждены были замѣнять въ маневрахъ матросовъ; большая часть послѣднихъ умерла на морѣ, а остальные, составляющіе меньшую часть, были перевезены въ весьма болѣзненномъ состояніи въ больницы. Во всемъ флотѣ недавно только набрали достаточно народу для семи кораблей, которые, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Полянскаго, употреблены были на перевозъ припасовъ и корму въ Мемель.

Здѣсь дѣйствительно сильно косятся по случаю прибытія Англійскаго Полковника Кампбеля въ Стокгольмъ, и на то, что

Милостивый Государь!

Русская Императрица выразилась не совсѣмъ ласково въ прошлое Воскресенье, говоря объ Апраксинѣ и о тѣхъ, которые старались его оправдать, именно, о Графѣ Шуваловѣ. Она выразилась такъ: «Это измѣнники. Ихъ, вѣроятно, подкупили.» Вотъ отъ чего и произошла мнимая болѣзнь Графа Шувалова, который старался, однако, снова попасть въ милость, назначивъ смотръ и парадъ своему наблюдательному корпусу; но это не произвело, кажется, должнаго впечатлѣнія. Есть даже лица, которыя думаютъ, что выше сказанное выраженіе навѣяно Государынѣ, чтобы заставить подумать Министровъ заинтересованныхъ Государствъ, что она дѣйствительно возмущена безчестнымъ поступкомъ Апраксина. Великій Канцлеръ очень противъ него ожесточенъ, но желалъ бы лучше, чтобы его оставили въ Ригѣ и назначили лучше Коммисію, чтобы разобрать дѣло тамъ, нежели вызывать Апраксина сюда. Эти два лица всегда были весьма близки и довѣрчивы другъ къ другу, какъ Вамъ это не безъизвѣстно; но теперь говоритъ Великій Канцлеръ, нечего опасаться, чтобы Апраксинъ сказалъ что нибудь ему во вредъ. Я тоже этого желаю и не думаю, чтобы дѣло Апраксина зашло далеко, благодаря царствующей здѣсь безнаказанности, и тому, что Ея Величество до того обойдена и осаждена членами Шуваловскаго рода, что она не можетъ ни жить, ни быть покойной безъ нихъ; она сама сказала при всѣхъ, что эта кампанія стоила ей до девяти мильоновъ; я вполнѣ этому вѣрю, судя по числу простаковъ, въ рукахъ которыхъ перебывали дѣла, или скорѣе по числу тѣхъ лицъ, которыя должны пользоваться отъ этихъ дѣлъ. Между тѣмъ у арміи нѣтъ ни чулокъ, ни башмаковъ; она нуждается во всемъ и находится теперь въ положеніи болѣе бѣдственномъ и стѣсненномъ послѣ своей пресловутой побѣды, нежели въ какомъ была послѣ великаго и удивительнаго пораженія, бывшаго при знаменитой Нарвской битвѣ. День ото дня болѣе и болѣе объ арміи говорятъ. Въ то время, какъ я пишу, получилъ изъ дома Посла Вѣнскаго Двора записку слѣдующаго содержанія: «Г-нъ Кемпель вернулся изъ арміи; онъ сдѣлалъ намъ такое описаніе ужаснаго положенія, въ которомъ она находится, что мы ничего хорошаго не ожидаемъ. Пошли туда хотя Тюреня, или Конде, и они не въ состояніи будутъ ничего предпринять, и что-

бы помочь стѣсненнымъ обстоятельствамъ. надобно сначала послать уда армію, такъ какъ другая почти доведена до ничтожности, или до незначительности. Все это останется между нами.» Имперскій Генералъ-Лейтенантъ Сентъ-Андре просилъ свой Дворъ вызвать его изъ этой арміи, говоря, что онъ не хочетъ долѣе раздѣлять подобный позоръ и подобное безчестіе.

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
28 Октября, 1757 года.

IV lettre.

Monsieur!

La parade, que le Comte de Shouwalloff passa Mercredi dernier avec la légion de son corps d'observation n'a point eu auprès de Sa Majesté Impériale le succès, qu'il en attendait, savoir: de s'insinuer de nouveau par là auprès d'elle. C'est là dessus, qu'il lui fit remettre le lendemain par son frère l'avis des médecins, qu'il ne pouvait être guéri ici, mais qu'il doit aller aux bains, dans l'espoir, que la réponse serait un refus et que Sa Majesté ne pourrait se passer de lui; mais bienloin de là on lui fit dire, qu'il pouvait partir; ce n'est pas là son intention. Là dessus il fit encore tenir le jeudi une consulte avec toute la Faculté, qui a persisté, dans son premier avis. Après leur avoir donné à chacun 200 roubles, il les retint tous à manger, et pendant le repas il exalta jusqu'aux nues sa capacité universelle, son courage, ses bonnes inclinations, son zèle, sa fidélité et son affection cordiale pour le bien de Sa Majesté Impériale et de l'Empire, pour lequel, disait-il, il serait près même d'escalader les cieux avec ses six légions, mais déplorant amèrement son état faible et dangereux, qui ne lui laissait pas assez de force pour prouver ses bonnes intentions de la façon qu'il le voudrait bien, pour cette raison et parce qu'on a fait partir ses légions de la ville immédiatement et contre son attente pour l'envoyer à l'armee, il a demandé hier par écrit d'être déchagé du commandement, et de la direction de ce corps, quoique ce ne soit point là du tout sa véritable intention. S'il n'était pas tout à fait aveugle, il se mettrait une bonne

IV.

Два тайнописныя сообщенія Кейта Лорду Гольдернесу и Англійскому Послу при Прускомъ Дворѣ Митчелю по поводу удаленія и взятія подъ стражу Канцлера Бестужева.*

1.

Отъ Кейта къ Гольдернесу.

Petersbourg, 14 March, 1758.

The Empress of Russia is in perfect good health. M. Bestucheff, the late Chancellor, is still under close confinement in his own house, and there are frequent meetings there of the persons employed to enquire into his affairs, but nobody can yet determine, what will be that unfortunate Ministers fate. though people in general think, from the known goodness of the Empress, that nothing violent will be done to his person.

His fall was certainly owing to the joint endeavours of the Imperial and French Ambassadors, but the thing had been long contriving by his enemies at court, and the immediate pretence fo it was his having entered into some entrigues with the Grand Dutchess and which it is supposed had been discovered in Marechal Apraxin papers, that were seized at Narva and brought to Petersbourg about a month ago, and the affaer was pushed with more vivacity, as it is pretended, upon the French party's hearing of my coming nearer this place, and what confirms this opinion was Bestucheff being arrested on the very day, that the accounts arrived here of my being come to Riga.

But be that, as it will, I found at my arrival the French party in possession of the whole credit at court, and the two Ambassadors, Esterhazi and Marquis de l'Hopital, giving the law at both, court and town. They have likewise got the Great Duke absolutely in their hands, having in order there to alienated his affection from the Grand Dukhess, who used great influence over him, and it is supposed, that one Brocksdorff has been the instrument of this change, who ingratiated himself with his Imperial Highness, by encou-

* Addit. Mss. N. 6825. Mitchell Papers vol. XXII.

raging him in all sort of debauchery. The Grand Dutchess complained of him to the Empress sometimes befor, but unfortunately her complaints were not listined; to her enemies having taken care to give the Empress of Russia by false suggestions bad impressins of her Highness, so that at present she is far from being well at court, and two days ago M-r Stambke, the Grand Dukes Minister for the affairs of the Dutchy of Holstein and entirely devoted to the Great Dutechess, was put under arrest on pretence on his being in close connexion with the late Chancellor, and even of having carried on a secret correspondence with him since his imprisonment.

This being the situation of affairs. Iour Lordship will easily imagine, that is not a time for me to enter into ang political business at this court, and I am resolved to see well about me, before I enter upon any thing of that kind.

Петербургъ. 14 Марта, 1758 г.

Здоровье императрицы находится въ очень хорошемъ состояніи. Бывшій Канцлеръ Бестужевъ до сихъ поръ содержится подъ строгимъ надзоромъ въ своемъ собственномъ домѣ. Тамъ же происходятъ частныя засѣданія Коммисіи изъ лицъ, которымъ поручено произвести надъ нимъ слѣдствіе. Никто еще не знаетъ, какая участь готовится несчастному Министру, хотя всѣ вообще склонны думать, зная доброту Императрицы, что надъ нимъ лично не будетъ произведено ни какого насилія. Паденіе его несомнѣнно слѣдуетъ приписать совокупнымъ усиліямъ Французскаго и Австрійскаго Пословъ, хотя все дѣло было еще задолго подготовляемо его врагами при Дворѣ; непосредственнымъ же поводомъ къ его паденію были переговоры его съ Великой Княгиней, слѣды которыхъ открыты, какъ предполагаютъ, въ бумагахъ Фельдмаршала Апраксина, захваченныхъ въ Нарвѣ и привезенныхъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Петербургъ. Увѣряютъ, что все дѣло было подвинуто быстрѣе, какъ только Французская сторона узнала, что я уже на пути въ Петербургъ; это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Бестужевъ былъ взятъ подъ стражу въ тотъ самый день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Ригу.

Какъ бы то ни было, по, прибывъ сюда, я нашелъ, что Французская сторона пользуется исключительнымъ вліяніемъ при Дворѣ, и что два посла, Эстергази и Маркизъ де л'Опиталь, распоряжаются и Дворомъ и городомъ. Они прибрали за одно къ своимъ рукамъ и Великаго Князя, съ цѣлью отвратить его отъ Великой Княгини, имѣвшей на него большое вліяніе. Предполагаютъ, что виновникъ этой перемѣны нѣкто Броксдорфъ, который ловко втерся въ довѣренность Его Высочества, поощряя его во всякаго рода невоздержаніи. Великая Княгиня жаловалась на него Императрицѣ, но, къ несчастію, ея жалобы не были услышаны, такъ какъ враги Великой Княгини позаботились ложными доносами внушить Императрицѣ дурное мнѣніе о ней, отъ чего въ настоящее время положеніе ея при Дворѣ далеко незавидное, а дня два тому назадъ Стамбке, Министръ Великаго Князя по дѣламъ Голштиніи и вѣрно преданный Великой Княгинѣ, былъ взятъ подъ стражу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ бывшимъ Канцлеромъ и даже будто бы велъ съ нимъ тайную переписку со времени его заключенія.

Таково положеніе дѣлъ въ Петербургѣ. Ваше Лордство сами изволите видѣть, что теперь не время вступать въ какія бы то ни было политическія соглашенія съ этимъ Дворомъ, и я твердо рѣшился хорошо осмотрѣться кругомъ, прежде чѣмъ приступить къ чему ни будь подобному.

2.

Отъ Кейта къ Митчелю.

St.-Petersbourg, March 30, 1758.

Dear Sir!

I have the satisfaction te assure Jou, that the Empress is in perfect good health. The following is, believe, a true account to of the manner, in wich the Great Chancellor's fall was brought about.

When the news came here of my being arrived at Warsau, the French Ambassador went to Vice-Chancellor, representing to him, that no time was to be lost, and therefore insisted, that he and his friends should make their best push against Count Bestoucheff, declaring at the same time, that if they did not agree to his proposal,

he would go directly to the Great Chancellor and discover to him all, that had passed, and join whith him to break his word on..... (далѣе нельзя разобрать), that the Vice-Chancellor intimidated by this menace, entered into the proposal, and he and his partisans at cou.. set themselves at work immediately by private ways to blacken Bestoucheff conduct to the Empress and to give the finishing stroke. The French Ambassador took tho opportunity of a court day, to come up to the Empress of Russia and after having kissed her Majesty's hand, pretending to admire the stuff of her gown, whisperd in her ear, that there was a person at court very dangerous both with regard to her Majesty's governement and person, and that he thought himself obliged in duty to tell her, that the Great Chancellor Bestoucheff was the man.

This alarmed the Empress and she having communicated the matter to her con..dents, who had their cue before it was agreed to put the Great Chancellor under arrest, which was done two days after.

By this the power of the French party at this court is established and the French Ambassador has the Vice-Chancellor himself under the rod; the Chancellor Bestoucheff bears his misfortune with spirit and defies the enemies to prove any thing of consequence against him. The three persons appointed to iquire into his conduct are Prince Trubetskoy, Mareshal Boutourlin and Count Alexander Shouwaloff.

С.-Петербургъ, 30 Марта, 1758.

Дорогой Серъ!

Я имѣю удовольствіе сообщить Вамъ, что состояніе здоровья Императрицы вполнѣ удовлетворительно. Ниже слѣдующій разсказъ, я полагаю, есть вѣрное изложеніе того, какимъ образомъ было устроено паденіе Государственнаго Канцлера.

Когда здѣсь было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Варшаву, Французскій Посолъ отправился къ Вице-Канцлеру и объявилъ ему, что времени терять нечего, и, въ слѣдствіе этого, настоятельно требовалъ, чтобъ Вице-Канцлеръ и его друзья употребили всевозможныя средства для низверженія Графа Бестужева, угрожая, въ противномъ случаѣ, если они не согласятся съ его предложеніемъ, отправиться прямо къ Государственному

Канцлеру, открыть ему все и даже соединиться съ нимъ, чтобъ..... Устрашенный этой угрозой, Вице-Канцлеръ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, и съ тѣхъ поръ онъ и его сторонники при Дворѣ принялись за дѣло, и немедленно постарались разными окольными путями очернить Бестужева передъ Императрицей, и тѣмъ нанести ему послѣдній ударъ. На одномъ изъ придворныхъ выходовъ Французскій Посолъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, подошелъ къ рукѣ Императрицы, и подъ предлогомъ, что онъ восхищается матеріей на ея платьѣ, шепнулъ ей на ухо, что при Дворѣ есть лицо весьма опасное и для Правительства и для нея лично; что онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить ее объ этомъ, и что это лицо есть не кто иной, какъ Канцлеръ Бестужевъ.

Это открытіе весьма встревожило Императрицу, и она не замедлила сообщить о немъ своимъ приближеннымъ, которые всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали ей взять подъ стражу Бестужева, что и было исполнено два дня спустя.

Взятіе подъ стражу Бестужева твердо упрочило господство Французской стороны при Дворѣ, и самъ Вице-Канцлеръ пляшетъ теперь по дудкѣ Французскаго Посла. Канцлеръ Бестужевъ переноситъ свое несчастье съ большой твердостью и вызываетъ своихъ враговъ доказать хоть одно изъ взводимыхъ на него обвиненій. Слѣдствіе надъ нимъ поручено производить тремъ лицамъ: Князю Трубецкому, Фельдмаршалу Бутурлину и Графу Александру Шувалову.

V.

Account of Elisabeth's Daugther. *

Russia. 1778.

The Empress of Elisabeth had a daugther, who was for some time brought up in the house of a musician (his name, I believe, was Schwarz), belonging to the court and passed for his child. How long she remained at Petersbourg and when she was sent abroad, I can not telle. But I knew from undoubted authority, that she was

---

*) Addit. Mss. N. 9284, f. 167—170.

seen in that musician house by several persons, who remembered her, when she was afterwards in Italy and who said, that she was in her person and features very like Elizabeth. She received somewhere a very good education and passed some years in Italy, principally at Rome. It is said, that Prine Radziwill met her in Italy and persuaded her (for she knew, who she was) to set herself up for a pretend to the throne of Russia. This report, whether true, or false, was enough to be her ruin, and accordingly Alexis Orloff received order, to try all possible means to get possession of her person. Accordingly upon his return from the Archipelago, at the conclusion of the peace in the year 1775, he made aequaintance with her at Leghorno, when she then was. He paid her care very assidiously, and she concluded he was in love with her. It is reported, that he proposed to marry her and to prevail upon the fleet to rewolt and declare itself in her favour, as the sovereign of Russia. By that it may be, he gained her confidence, that she accepted an invitation a board admiral Greig's ship, by which means her person was secured, and she was brought with the fleet to Petersbourg. I spoke with an English merchant of the factory, who (travelled) in company, with her in board Admiral Greig's vessel, before it entered the harbour of Cronstadt. He telg me, that the was about twenty eight years of age, that she had a very fair complexion and in her person rather inclined to be large; she was remarkably accomplished and agreable (spoking) Russian, Polish, French, Italian and Latin; was very unequal in her spirits, being at time remarquably gay and at other time serious and pensive. She was at first reserved and had a great deal of dignity and even the appearance of pride in her behaviour. She was called Princess and treated as such, was attended by two Polish gentlemen and had several domestics. Upon her avrival at St.-Petersbourg, she was immediately sent into the fortress and emprisoned, where she died after a fow months. Dureng her emprisonment one of her Italien servants was allowed to attend her. Mister N. saw him after wards in the streets, selling barometers and thermometers, and asked him about his late mistress. She died of a cholic returned the fellow. But every one knows, what kind of cholic, it was, that killed her. I have been told, that Alexis Orloff was very much shocked upon being made the instrumeut of her imprisonment and death.

Свѣдѣнія о Княжнѣ Таракановой.

Россія, 1778.

У Императрицы Елисаветы была дочь, которая нѣкоторое время воспитывалась въ домѣ одного придворнаго музыканта (если не ошибаюсь, фамилія его была Шварцъ) и слыла за его собственную дочь. Какъ долго она оставалась въ Петербургѣ, и когда была отвезена за границу, я не могу сказать. Знаю только изъ вѣрнаго источника, что въ домѣ этого музыканта ее видѣли многія лица, встрѣчавшіяся съ ней потомъ въ Италіи и говорившія мнѣ, что она наружностью и чертами лица во многомъ напоминала Елисавету. Она получила прекрасное образованіе и провела нѣсколько лѣтъ въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Говорятъ, что Князь Радзивилъ, встрѣтясь съ ней въ Италіи, убѣдилъ ее (такъ какъ она знала свое происхожденіе) объявить свои притязанія на Русскій престолъ. Слуха этого, былъ ли онъ истиненъ, или ложенъ, было вполнѣ достаточно, чтобъ погубить ее; сообразно этому Алексѣй Орловъ получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, захватить ее. На возвратномъ пути изъ Архипелага, по заключеніи мира 1775 г., Орловъ познакомился съ ней въ Ливорнѣ. Онъ сталъ до того прилежно ухаживать за ней, что она подумала, будто онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее. Говорятъ даже, что онъ ей дѣлалъ предложеніе и обѣщалъ употребить свое вліяніе, чтобъ возмутить флотъ и провозгласить ее Императрицей Россіи. Весьма возможно, что онъ этимъ снискалъ ея довѣренность, и она, не колеблясь, приняла его приглашеніе посѣтить корабль Адмирала Грейга. Такимъ образомъ она была захвачена и, вмѣстѣ съ флотомъ, прибыла въ Петербургъ. Я распрашивалъ одного Англійскаго купца, плывшаго вмѣстѣ съ ней на кораблѣ Адмирала Грейга до самаго Кронштадта. Онъ говорилъ мнѣ, что ей было на видъ около двадцати восьми лѣтъ; она была прекрасная и свѣжая женщина, съ замѣтной наклонностью къ полнотѣ, очень образованная и любезная въ обществѣ и знавшая Русскій, Польскій, Французскій, Итальянскій и Латинскій языки. Характеръ ея былъ весьма неровенъ: по временамъ она была замѣчательно весела, по временамъ становилась важной и задумчивой. Съ перваго раза она казалась сдержанной, и въ ея пріемахъ было много чувства

собственнаго достоинства, даже гордости. Ее называли и съ ней обращались какъ съ Принцессой; въ свитѣ ея находилось два Польскихъ Дворянина и нѣсколько слугъ. По прибытіи въ Петербургъ, она тотчасъ же была заключена въ крѣпость, гдѣ и умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Одному изъ ея слугъ, Итальянцу, разрѣшено было находиться при ней во время ея заключенія. Купецъ, который разсказывалъ мнѣ все это, встрѣтилъ въ послѣдствіи этого слугу, продававшаго по улицамъ барометры и термометры, и, спросивъ его объ его бывшей госпожѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она умерла отъ коликъ въ желудкѣ. Но всѣмъ извѣстно, какого рода были колики, которыя свели ее въ могилу. Я слышалъ также, что Алексѣй Орловъ тяготился тѣмъ, что онъ былъ виною ея заключенія и смерти.

VI.

Собственноручное письмо Петра III, въ бытность его Великимъ Княземъ, къ Серу Чарльсу Уильямсу. *

Je regrette infiniment de n'avoir pas eu le plaisir avant votre départ de vous dire de bouche, combien par votre mérite et votre conduite vous vous êtes attiré mon estime. Je vous remercie, et ne doute point de vostre attachement à mes intérêts. Ils sont liés à ceux du Roy d'Angleterre de plus d'un côté. J'espère, que l'ennemy commun des deux royaumes s'en ressentira un jour. Je suis bien aise de voir, que vous me rendiez justice sur ce point. Je vous prie de vous intéresser auprès du Roi, votre Maître, de ma part pour Swallow; c'est un digne et fidèle sujet; je vous en aurai une obligation très particulière, étant avec une considération très distinguée,

Monsieur,

De Vostre Excellence

Le très affectionné ami

Pierre.

Le 19 d'Août, 1759.

---

* Это и два слѣдующія письма Екатерины помѣщены въ Add. Mss. N. 6864.

Весьма сожалѣю, что не могъ передать вамъ словесно, до вашего отъѣзда, на сколько ваши личныя достоинства и поведеніе заслужили мое къ вамъ уваженіе. Я благодарю за ваши заботы о моихъ интересахъ, и не сомнѣваюсь, что вы имъ преданы. Они имѣютъ много общаго съ интересами Короля Англійскаго. Надѣюсь, что когда ни будь общій врагъ нашихъ Государствъ почувствуетъ это на себѣ. Весьма доволенъ, что въ этомъ отношеніи вы мнѣ отдаете должную справедливость. Прошу васъ походатайствовать отъ меня за Шувалова (Swallow) у Его Величества, вашего Государя. Это достойный и вѣрный слуга; я буду амъ особенно обязанъ за такое ходатайство. Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
найпривязанный другъ
Петръ.

19 Августа, 1759 г.

VII.

Два собственноручныя письма Великой Княгини Екатерины къ тому же.

1.

Monsieur!

J'ai pris la résolution de vous écrire, ne pouvant vous voir, pour vous faire mes adieux, les regrets les plus sincères accompagne (nt) celui, que je regarde comme un de mes meilleurs amis et dont la conduite s'est attirée toute mon estime et mon amitié. Je n'oublierai jamais les obligations, que je vous ai pour vous en récompenser d'une manière conforme à la noblesse de vos sentiments, voici ce que je ferai. Je saisirai toutes les occasions imaginables pour ramener la Russie à ce, que je reconnais pour son vrai intérêt, qui est d'être liée intimement à l'Angleterre, de donner à celle-ci par tous les secours humains l'ascendant, qu'elle doit avoir pour le bien de toute l'Europe, et plus en particulier pour celui de la Russie sur leur ennemi commun la France, dont la grandeur est la honte de la Russie. Je m'étudierai à mettre en usage ces sentiments, j'en bâtirai ma gloire et en prouverai

la solidité au Roy, votre Maître. Je suis bien aise, que le bien de la Russie m'oblige à pouvoir m'acquitter envers l'Angleterre des obligations personnelles, que j'ai à Sa Majesté, dont je conserverai le souvenir avec la plus vive reconnaissance. Je vous prie confidemment, Monsieur, d'arranger pour le mieux ce, dont vous êtes instruit Soyez persuadé, qu'une des choses du monde, que je souhaite, le plus, c'est de vous ramener ici en triomphe. J'espère, qu'un jour le Roy, votre Maître, ne me refusera pas la grâce, que je lui demanderai de vous revoir. Il ne lui en reviendra, que du profit. Je suis avec une cousidération toute particulière,

Monsieur,

De Votre Excellence

La très devouée amie

Catherine.

Ce 19 d'Août, 1759.

Au Chevalier Haubury Williams.

Милостивый Государь!

Не имѣя возможности васъ видѣть, я рѣшилась вамъ писать чтобы съ вами проститься; самое искреннее сожалѣніе относится къ тому, на кого я смотрю, какъ на одного изъ лучшихъ моихъ друзей, чье поведеніе привлекло все мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязана; чтобы вознаградить Васъ согласно съ благородствомъ вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россію на то, что я нахожу для нея выгоднымъ, именно, быть тѣсно связанной съ Англіею; всевозможными человѣческими усиліями дать послѣдней то вліяніе, которое Англія должна имѣть для блага Европы, и въ особенности для блага Россіи, въ виду общаго нашего врага, Франціи, которой величіе есть позоръ для Россіи. Я постараюсь проявлять на дѣлѣ такія чувствованія, сознаю на нихъ свою славу и докажу ихъ прочность Королю, вашему Повелителю. Весьма рада, что благо Россіи заставляетъ меня оказать Англіи признательность за личныя мнѣ одолженія со стороны Его Величества, о которомъ я буду вспоминать съ величайшею благодарностью. Прошу Васъ дружески, Милостивый

Государь, устроить къ лучшему то, что Вамъ поручено. Повѣрьте, что я болѣе всего желаю вернуть Васъ сюда съ торжествомъ. Я надѣюсь, что когда ни будь Король, вашъ Государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ снова Васъ увидать. Вы ему принесете только пользу. Съ особеннымъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

найпреданный другъ

Екатерина.

19 Августа, 1759 г.

Кавалеру Haubury Ульямсу.

2.

Отъ той же и къ тому же. *

Mardi.

Je suis au désespoir d'être privée du plaisir, que j'aurais eu à vous voir, à vous parler en liberté. Votre amitié désinterressée pour moi et pour le G. Duc est sans exemple. Mon coeur est ulcéré par la dureté du traitement, que vous essuyez, mais aussi ma plus vive reconnaissance pour vous sera éternelle. Puissent des tems plus heureux me permettre de vous la prouver dans toute son étendue; Elle égale (et c'est tout dire) les obligations, que je vous ai, et l'estime infinie, qui est due à la beauté de votre caractère. Adieu, mon meilleur, mon cher Ami.

Вторникъ.

Я въ отчаяніи, что лишена удовольствія васъ видѣть, съ вами поговорить на свободѣ. Ваша безкорыстная дружба ко мнѣ и къ Великому Князю не имѣетъ себѣ примѣра. Сердце мое удручено жестокостью оказаннаго вамъ обращенія; за то я вѣчно буду вамъ признательна. Да позволитъ мнѣ болѣе счастливое время оказать вамъ мою признательность во всей ея глубинѣ.

---

* Безъ означенія числа мѣсяца и года.

Она равняется (и этимъ я многое хочу сказать) тѣмъ услугамъ, которыя Вы мнѣ оказали, и глубочайшему уваженію, должному возвышенности вашего характера. Прощайте, мой лучшій, мой дорогой, другъ!

VIII.

Собственноручное письмо Павла I къ Уитворту отъ 17 Августа, 1799 г. *

Je propose en cas, que l'expédition d'Hollande ne puisse pas avoir lieu, d'employer mes troupes à la défense de la Grande Bretagne et pour faire une expédition sur les côtes de la France, entre Brest et Ploeuc.

Paul.

Pawlowsk.
Du 17 Août, 1799. **
Au Chevalier Whitworth, monsieur l'Envoyé de Sa Majesté Britannique auprès de moi.

Въ случаѣ невозможности сдѣлать экспедицію въ Голландію, я предлагаю свои войска для защиты Великобританіи и для экспедиціи на берега Франціи, между Брестомъ и Плекомъ.

Павелъ.

Павловскъ.
17 Августа; 1799 года.

Кавалеру Уитворту, Господину Посланнику Его Величества, Короля Великобританіи, при мнѣ.

IX.

Два собственноручныя письма Княгини Дашковой къ Миссъ Уильмотъ и отвѣтъ послѣдней. ***

Défi.

Argument.

Raison pour le défi.

1. Miss Maria Wilmot aime Miss Wilmot de Moscou; je l'aime

---

* Addit. Mss. N. 12,096.
** Другой рукой, равно и на конвертѣ.
*** Addit. Mss. N. 9828, f. 193.

aussi de tout mon coeur. Ergo, nous sommes rivales; ergo, un défi est tout naturel.

2. Miss Maria Wilmot a tourmenté sa cousine par sa malice ingénieuse et charmante; je le fais aussi tant, que je le peux: reste à savoir, qui réussit le mieux, et ce n'est que par un défi, que la chose serait tirée au clair.

3. Parce qu'un Empereur avec moins de raison a fait un défi moins compréhensible encore, quoiqu il ait été imprimé dans toutes les gazettes. *

Вызовъ.

Доводы.

Причина вызова.

1. Мисъ Марія Ульмотъ любитъ Мисъ Ульмотъ изъ Москвы; я тоже люблю ее отъ всей души. Слѣдовательно, мы соперницы; и такъ вызовъ дѣло весьма естественное.

2. Мисъ Марія Ульмотъ мучила свою двоюродную сестру своею находчивостію и прелестною шаловливостію; я стараюсь, во сколько могу, поступать также: слѣдуетъ рѣшить, за кѣмъ успѣхъ, и только вызовомъ можно дѣло выяснить.

3. Такъ какъ нѣкій Императоръ сдѣлалъ непонятный вызовъ изъ за менѣе важной причины, хотя вызовъ и былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

Défi.

Vous aurez la bonté de me dire, comment Vous lui prouviez votre amitié? Comment vous la rendriez heureuse, afin que je vous imite, ou plutôt vous surpasse, car tout loyal chevalier, que je suis

---

* Кажется, намекъ на вызовъ, сдѣланный Павломъ I всѣмъ Государямъ Европы прибыть и сразиться между собою въ турнирѣ, для прекращенія войны, одиннадцать лѣтъ уже терзавшей тогда всѣхъ Европейцевъ. См.: «Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу, и проч.; перев. съ Нѣмецкаго Василій Кряжевъ. Изд. 2-е, 2 части. М., въ Унив. тип. 1816 г., въ 8, часть 2, стр. 211—216. Книжка вовсе не рѣдкая, вопреки увѣренію «Русскаго Архива» (тетр. 11, 1870 г., стр. 1960), и по тому всѣмъ доступная; хотя въ Русскомъ переводѣ и нѣтъ самаго вызова. О. Б.

je n'ai jamais cédé en amitié à personne. Comment exerciez Vous sur elle votre malice? afin que je puisse savoir, qui de Vous, ou de moi, mérite la palme? et comme ce défi ne doit pas occasionner du sang répandu, je propose un mezzotermine, c'est de me communiquer les moyens ainsi que les sujets, qui mettra votre malice en jeu, et je Vous communiquerai ceux, qui servent à mon usage, et alors la paix sera le prix de notre ligue; Vous la tourmenterez par lettre sur les hints, que je Vous donnerai, et Vous me fournirez de quoi m'exercer de viva voce; réponse, s'il vous plait.

Princesse Dashkow, crée chevalier l'an 1762.

P. S. Do not wonder, it my head is a little crazy, it is at the age of 18, that I was mierged in chevalerie. *

Вы мнѣ должны сказать, чѣмъ Вы ей доказывали свою дружбу? Чѣмъ можете сдѣлать ее счастливой, чтобы я могла Вамъ подражать, или старалась бы Васъ превзойти, по тому что, не смотря на свои рыцарскія чувства, я никогда никому не уступала въ дружбѣ? Чѣмъ ее такъ мучили, чтобы я могла знать, кому изъ насъ двухъ отдадутъ первенство? И такъ какъ этотъ вызовъ не можетъ повести къ кровавому столкновенію, я Вамъ предлагаю золотую середину: сообщите мнѣ, какими средствами вызывается и чѣмъ потѣшается ваша проказливость, а я Вамъ тогда сообщу о своихъ зарядахъ, и миръ тогда будетъ цѣною нашего союза. Вы въ письмахъ будете ее мучить на счетъ намековъ, которыя я Вамъ дамъ, а Вы меня снабдите предметомъ для шутокъ на словахъ. Прошу отвѣта.

Княгиня Дашкова, пожалованная въ рыцари въ 1762 году.

Пп. Я не удивлюсь, ежели мое предложеніе найдете нѣсколько съумасброднымъ. Вѣдь, оно идетъ отъ 18 лѣтней, когда я пожалована была въ рыцари.

---

* Судя по отвѣту Миссъ Ульмотъ, письмо должно относиться къ концу 1803, или началу 1804 года.

Réponse au Défi.

Madame la Princesse!

Permettez moi de m'excuser d'accepter le Défi, que vous me présentez. Vous avez la bonté de faire disparaître la distance, qui sépare une grande dame d'un grand Empire, d'une simple Miss d'un coin de terre, qu'un petit cancre, arrivé de Corse et devenu plus long, plus large, plus enflé, que la plus énorme baleine, se propose d'avaler, comme une pillule. Cette grande indulgence de votre part pourrait me rassurer, mais ce qui m'effraye, c'est de Vous savoir armée chevalier. Depuis l'âge de dix huit ans, Vous êtes formée, au maniement des armes, et Vous pouvez compter le nombre de vos combats par celui de vos victoires; ce serait trop téméraire de vouloir entrer en lice, sans armes, sans expérience, sans adresse.

Lorsque j'avais près de moi ma cousine, j'osais me mesurer avec elle. Ses petits airs, ses tons, ses gestes, ses expressions irlandofrancisées, ses hints, me donnaient occasion de boxer avec elle. Le combat fini, nous nous en aimions davantage; maintenant, Madame la Princesse, Vous la possédez entière, et vos bontés pour elle ne me permettent pas de Vous la disputer. Non, Madame, il ne m'est plus permis d'être votre rivale.

Vous avez sur moi trop d'avantages. Je n'ai pour moi, que l'amitié, et Vous avez pour Vous l'amitié, que Vous voulez bien avoir pour la chère cousine, et de plus les bienfaits, dont Vous la comblez Mais ne pouvant pas être votre rivale, je veux être celle de ma cousine, en partageant avec elle sa reconnaissance et son amitié respectueuse pour sa bienfaitrice. J'oserais donc Vous demander la faveur de croire, que je suis autant, que mon amie, avec les sentimens les plus respectueux,

Madame la Princesse,

Votre très humble et très obéissante servante

Marie Marow Wilmot.

Ce jeudi 22 Febr., 1804.

Отвѣтъ на вызовъ.

Княгиня!

Позвольте мнѣ извиниться въ томъ, что я принимаю вашъ вызовъ. Вы такъ милостивы, что уничтожаете разстояніе, которое раздѣляетъ знатную особу великой Имперіи отъ незначительной Мисъ нѣкоего уголка земли, которую нѣкій морской ракъ, прибывшій изъ Корсики и раздувшійся шире, длиннѣе и болѣе самого огромнаго кита, желаетъ проглотить, какъ пилюлю. Столь великая снисходительность могла бы меня успокоить, но вотъ что меня страшитъ: я знаю, что Вы пожалованы рыцаремъ. Съ осьмнадцатилѣтняго возраста Вы привыкли обращаться съ оружіемъ, и вы ведете счетъ вашимъ побѣдамъ по числу вашихъ битвъ; было бы слишкомъ дерзко выступать на поле битвы безъ оружія безъ опыта, безъ ловкости.

Когда кузина была со мною, а осмѣливалась съ ней бороться. Ея ужимки, топъ, ухватки, Ирландскія, но офранцуженныя, выраженія, ея намеки, давали мнѣ случай съ ней помѣряться на кулакахъ. По окончаніи битвы наша дружба только росла; теперь, Княгиня, Вы обладаете моей кузиной, и на столько къ ней милостивы, что я не могу оспаривать у Васъ кузину. Нѣтъ, Княгиня, мнѣ не возможно болѣе быть Вашей соперницей.

Въ сравненіи со мной у Васъ слишкомъ много преимуществъ. За меня говоритъ только дружба, а за Васъ дружба, которую Вы милостиво питаете къ милой моей кузинѣ и, кромѣ того, тѣ благодѣянія, которыми Вы ее осыпаете. Но если я не могу быть вашей соперницей, то хочу соперничать съ сестрой, раздѣляя съ ней чувства признательности и почтительной дружбы къ ея благодѣтельницѣ. Осмѣливаюсь у Васъ просить милости считать меня также, какъ и кузину, съ почтительнѣйшемъ чувствомъ,

Княгиня,

Вашею покорнѣйшею слугою

Марью Маро Ушльмотъ.

2.

Отвѣтъ Дашковой, безъ подписи, но ея же рукой.

Votre prétendu antagoniste ou rival, mais en fait votre admirateur, le vieux chevalier, la Princesse de Daschkow, a reçu votre lettre enfin, qui, par un délai inconcevable, a vieilli de plusieurs mois. En attendant des maladies et des spasmes ont refroidi le courage chevaleresque, et c'est bien sincèrement, que je Vous dirai en bon Italien, qui vaut mieux que le français: «Pace fata, pace sia,» et pour me donner un témoignage, que Vous êtes aussi dans une humeur pacifique, je Vous prie de Vous charger de faire de ma part à M-me, votre mère, de ne rien envoyer à notre angélique Wilmot, 1°, parce que, n'étant pas moi même à Pétersbourg, c'est très difficile de tirer des griffes des douanniers les jolies choses, qui viennent de votre pays; 2°, c'est qu'elle donne presque tout, ce que l'on lui envoye, et 3°, parce que l'on trouve tout ici. Voilà ce que fait l'âge, je me présente à Vous comme m'entendant aux raisons de la comédie, et pour Vous sauver du flux copieux des raisons, je vais Vous dire amen, en Vous priant d'écrire plus souvent à votre charmante cousine.

Вашъ мнимый противникъ или соперникъ, но на самомъ дѣлѣ вашъ почитатель, старый рыцарь, Княгиня Дашкова, наконецъ, получила ваше письмо; оно, по непонятному замедленію, постарѣло нѣсколькими мѣсяцами. Кромѣ того, болѣзни и судороги сильно охладили рыцарскій мой духъ, и я весьма искренно скажу Вамъ настоящимъ Итальянскимъ языкомъ, который лучше Французскаго: «Pace fata, pace sia.» А чтобы доказать мнѣ, что и Вы тоже въ мирномъ расположеніи духа, прошу Васъ взять на себя трудъ передать отъ меня вашей матушкѣ, ничего не посылать сюда нашей ангельской Уильмотъ: 1, такъ какъ меня нѣтъ теперь въ Петербургѣ, то очень трудно будетъ вытащить изъ когтей таможенныхъ чиновниковъ тѣ прелестныя вещицы, которыя привозятъ изъ вашего отечества; 2, по тому, что она почти раздаетъ все, что ей присылаютъ; 3, по тому, что все это можно достать здѣсь. Вотъ что значатъ года, я являюсь передъ Вами какъ будто знающая причины комедіи; а чтобы избавить Васъ отъ черезъ чуръ обильнаго изложенія причинъ, я скажу аминь, и попрошу Васъ писать почаще вашей прелестной кузинѣ.

2007231588